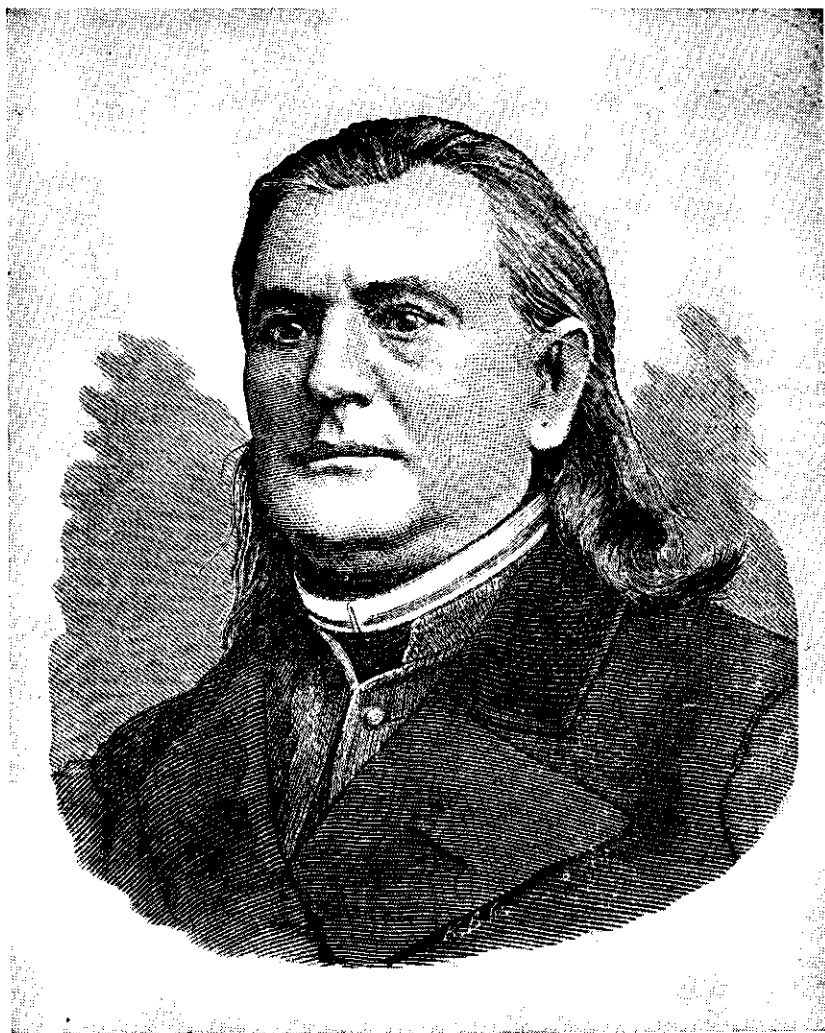

Андреев

КСУТ

A. W. Woodhouse

Александр Павлович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Под общей редакцией
И. С. Шлепцкого

ИЗДАТЕЛЬСТВО КУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА УКРАИНСКИХ
ТРУДЯЩИХСЯ — П Р Я Ш Е В 1955.

Id est enim ne p̄m̄ena c̄p̄ta
Hominero ȳsum̄oherim
Da ne Rom̄inae P̄m̄oherim
S̄om̄oherim q̄m̄oherim
H̄oherim q̄m̄oherim s̄om̄oherim
H̄oherim q̄m̄oherim s̄om̄oherim
H̄oherim q̄m̄oherim s̄om̄oherim
- Om̄oherim q̄m̄oherim s̄om̄oherim ?!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская в свет расширенное издание избранных произведений А. И. Павловича, мы полагаем, что наша общественность встретит его с таким же интересом, с каким был встречен 35 лет тому назад изданный И. А. Поливкой в Ужгороде «Венец стихотворений Александра Ив. Павловича», который в течении сравнительно короткого времени был целиком разобран. Этим и будет отдано должное нашему поэту и просветелю А. И. Павловичу спустя 55 лет со дня его смерти.

В данном издании мы старались дать читателю те произведения А. И. Павловича, которые более всего характеризуют жизнь, настроение и социальное положение наших предков, дедов и прадедов, в прошлом, и мы надеемся, что наши трудящиеся, учителя и молодежь с радостью и удовлетворением будут читать стихи «маковицкого соловья», тем более, что его лучшие стихи, особенно социального и патриотического характера, до сих пор хранятся в устах нашего народа, главным образом, на Маковице.

В статьях об А. И. Павловиче и его творчестве, особенно в статье «А. И. Павлович — по трудам и воспоминаниям», мы остановились более подробно на жизнеописании поэта, так как оно является основой для дальнейшего изучения далеко еще не полностью исследованного его литературного наследства.

Кроме того, мы поставили себе целью дать возможность читателю познакомиться с историей края, где родился, жил, творил и умер наш поэт А. И. Павлович. С этой целью в конце настоящего издания мы помещаем «Исторический очерк Маковицы». В интересе дела в тексте мы помещаем также несколько фотокопий сохранившихся рукописей А. И. Павловича.

При этом считаем своим долгом выразить глубокую благодарность Д-ру Е. Л. Недзельскому за предоставление ценных материалов и за советы при составлении настоящего издания, проф. И. О. Панасу и всем тем, кто делом или словом благосклонно отнесся к настоящему изданию избранных произведений А. И. Павловича.

*«Для того, чтобы хорошо оценить новое,
необходимо прежде понять и оценить
старое».*

И. П. Павлов.

А. И. ПАВЛОВИЧ —
ПЕВЕЦ СВОБОДЫ И ДРУЖБЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
(1819—1900)

«Я народу верным был,
Его чувством песни пел».

. . . . .
«Люблю вас, люблю Besкиды,
Вас сердцем, душой обнимаю,
Вам свою жизнь посвящаю...»

А. И. Павлович.

Каждый народ с любовью изучает лучшие достижения передовой науки и культуры, и с гордостью произносит имена тех, которые с пламенной любовью относились к Родине и родному трудовому народу.

Так и история Закарпатья и Восточной Словакии знает много славных имен патриотов, которые в трудных условиях своего прошлого выступали в защиту поработанного народа. Такими пламенными патриотами карпато-украинского населения во второй половине XIX века были и поэты Александр Васильевич Духнович, Александр Иванович Павлович, Ставровский-Попрадыв и др., которые пользовались большим уважением.

Сегодня можно утверждать на основании того ма-

териала, который сохранился и публикуется впервые, что певец нашей Маковицы А. И. Павлович принадлежит к числу наиболее даровитых и передовых поэтов украинского населения на южных склонах Карпат. Певец Маковицы, как сам называет себя Павлович, прежде всего, верный последователь и продолжатель национально-освободительных идей А. Духновича.

Вся жизнь и деятельность «маковицкого соловья» были полны непрерывных творческих исканий. Он горячо любил свой народ под Карпатами и все свои силы и знания он отдавал ему. А. И. Павлович горячо выступал на защиту социально и национально угнетенных собратьев. Он стремился в своем творчестве правдиво отобразить бедственное положение, в первую очередь крестьянских масс своего времени. Поэтому, главное достоинство стихов нашего маковицкого поэта заключается в гневном протесте против суровой, беспросветной действительности. В своих стихах поэт протестовал против закабаления крестьян и их эксплуатации. А. И. Павлович говорит о несправии тех, кто трудится в поте лица, создает духовные и материальные ценности, а сам живет в нищете и культурной отсталости по вине феодально-капиталистических порядков. Верный защитник своих обездоленных братьев под Карпатами, А. И. Павлович в своем творчестве призывал к борьбе против произвола властей, разоблачал и бичевал пороки и зажигал веру страдающего народа в его освобождение. Богатый запас творческих сил находил благодарное применение в кипучей литературной деятельности, в непрестанном труде. Его деятельность вдохновлялась высоким патриотизмом и горячей любовью к родному народу. Вот почему жизнь и деятельность А. И. Павловича особенно понятна и дорога нашему украинскому на-

селению в Чехословакии. Поэт прожил свою жизнь в жутких условиях Австро-Венгерской монархии — тюрьме славянских народов, где славянские народы наиболее терпели не только от жестокого социального порабощения, но и от тяжелого национального угнетения. В условиях борьбы против мадьяризации нашего населения, проводимой австро-венгерским господствующим классом, А. И. Павлович, как и все передовые деятели Закарпатья, черпал свои силы и мысли из идеи славянского единения. Мы чтим А. И. Павловича как народного поэта и верного Славянина, как одного из выдающихся провозвестников священной дружбы между славянскими народами и, прежде всего, нерушимой, вечной дружбы между великим русским и украинским народами.

«Угорской Руси старший соловей
Русски песни поет дружине своей,
Живущей по обом сторонам Карпат,
Русским братьям песни поет русский брат.
В роще над Ондавой поет ту песню:
Братья, пойте Руси, когда я усну,
Утешайте песней жителей Карпат...»

(«Памяти III годов...»)

Невец Маковицы искренне любил Россию и призывал свой народ искать действительной защиты у великого русского народа.

«Десятки стихов посвящены у Павловича судьбам Руси и её сынов, поэт вдохновенным словом будит современников и народ к новой жизни.»¹

---

¹ Павел Федор: Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX ст., Ужгород 1929, стр. 45.

С большой любовью относился поэт и к братскому словацкому народу, лучшие представители которого идейно и сознательно желали крепкого союза между всеми славянами. Поэт в собственной автобиографии пишет, что «стихи, сочинены по 1875 г. переписал и препослал В. А. Дедицкому, новшие списует в одну книгу, где есть и словацкие стихи в шарицком наречии».

«На Маковицоград дух мой позерает,
Русин на словенских гусях выправает».

Несколько десятков стихов сохранились на словацком, польском, немецком языках. Оценка их художественного и идейного содержания предоставляется литературоведам.

Следует припомнить, что писатели-будители нашего родного населения под Карпатами — А. Духнович, А. Павлович, Ставровский-Попрадов жили в XIX-м столетии, в период разложения феодализма и развития капитализма. Население Закарпатья и Пряшевского края жило в первой половине XIX века в невыносимо тяжелом и бесправном положении под игом Австрийской монархии, а во второй половине — Австро-Венгерской империи. Ни одна народность Австро-Венгрии не страдала от вопиющего социального и культурно-национального неравенства, какое испытывало население под Карпатами. Наши поэты, лучшие сыны народа, рассказывали в своих произведениях об этом великом горе и страдании родного края.

Стихи «маковицкого соловья» носят ярко выраженный гуманистический, патриотический, просветительный характер. А. И. Павлович был одним из тех прогрессивных церковнослужителей Маковицы, которые

поддерживали лучшие стремления и надежды своего народа.

Кровная связь с народом определила идейную целеустремленность творчества А. И. Павловича.

* * *

Литературное наследство А. И. Павловича полностью не исследовано, но обаятельный облик его предстает перед нами в подкупающей красоте. Его литературная деятельность весьма обширна и разнообразна. Многие произведения, особенно социального и патриотического характера, до сих пор не утратили своего значения, тем более, что большинство его произведений впервые публикуются в настоящем сборнике.

Литературную деятельность поэта можно разделить на 3 периода:

1. Период студенческих лет — до 1847 года и первые пореволюционные годы;
2. Период беловежский (1851—1864);
3. Период свидницкий (1864—1900).

С раннего детства А. И. Павлович познакомился с жизнью своего народа, полной нужды и горя. В студенческие годы Павлович вступает на литературное поприще. В 1847 г. в селе Комлоше (Хмельова) «начал сочинять стишки о доле бедного урбарского подданного». Это была поэма «Став бедного селянина... за часов урбарского подданства». Поэма — это целая повесть о «голодном паншаре» (батраке), семья которого живет хуже чем «статок» (скот). Первое его произведение по идее проникнуто великой любовью к родному населению Маковицы. Вся поэма — это трогательная картина о жизни и смерти «пан-

щара». Поэтические произведения А. И. Павловича, написанные до 1848 г., свидетельствуют о революционной идейности поэта. Уже первые литературные опыты — патриотические и социальные стихи, чужды подражательности. Рукопись этой революционной поэмы бережно сохраняли жители Беловежи свыше девяноста лет в медном футляре в башне местной православной церкви. Поэма в настоящем сборнике на 143 стр.

* * *

Настал 1848 год — год буржуазных революций в Европе. Население Угорской Руси тоже предъявило правительству свои требования, целью которых было облегчить свое социальное и культурно-национальное положение.

В эти бурные революционные годы на защиту интересов своего народа с особенной смелостью и решительностью встали А. И. Добрянский и А. В. Духнович. «Духнович считал своим долгом работать на шоприще народного просвещения, открывать глаза «карпаторуссам» на их бесправное национальное положение, будить в них сознание родства с русским народом, воспитывать любовь к русскому языку, русской культуре».¹

В 50-х годах XIX века в Австро-Венгрии было отменено крепостное право, что способствовало быстрым темпам развития капиталистических отношений.

Когда А. И. Павлович писал поэму «Став бедного селянина... за часов урбарского подданства», ему

---

¹ АН СССР «Ученые записки института славяноведения» I т. стр. 270.

еще не было совсем ясно, какими решительными мерами устранить это зло. Он только четко и в ярких образах описал тяжелое положение подневольного бедняка. «Маковицкий соловей» в эти революционные годы верил, что настанет полная свобода и для его «русинского» населения. Он встретил первые лучи революции, как наступление праздника свободы.

«Ой, повеселься,
Свободный русине,
Уж твоих врагов
Злобна сила гине:
Новый вик даст
Каждому народу,
Сливай и витай
Святую свободу».

Но отмена крепостного права не принесла населению Угорской Руси существенного облегчения. Поэт в своем дальнейшем творчестве с еще большей убедительностью и правдивостью описывает страдания украинского населения Закарпатья.

Панищина фактически осталась и получает новую уродливую форму: «Благородного» пана сменил «корчмарь-жид», который был одним из главных эксплуататоров сельской бедноты. Глубоким чувством гнева пронизаны стихи поэта к паразитам, сидящим на шее крестьянского люда. Поэт был свидетелем того, как население обезземеливалось и в поисках хлеба уходило в чужие страны. Голод, продажа земли за долги — все это в творчестве поэта воплощалось в яркие картины.

«Велика порция, велики податки
Платиме, робиме мы и наши статки.
Мы дражну роботу такто отбивае:
На пол отплачае, а пол отрабляе.

. . . . .
Нотариус тримат себи послугальца,
От каждого села ему иде плаца,
Плать нотариуса, рыхтаря, лисника,
Бургара, гайтова а и костельника.

. . . . .
Сып два корци зерна каждый рок попови,
А по одном корцу давай дзиякови . . .»

(«Состояние Маковицы 1888 г.»)

Сюжеты для своих стихов поэт брал непосредственно из окружающей жизни. К числу стихов с волнующими гражданскими мотивами принадлежат: «Бидство Маковицы», «Думки», «1848-1849 гг.», «Давно и днесь», «Смутных, грозных часов мы ся дочекали», «Смутятся, вздыхают людкове бидненьки», «Сирота служница», «Замерзшая сирота» и другие. Особенно типичным и художественно оригинальным является своеобразный социально-бытовой трактат «Состояние Маковицы в 1888 г.», где обличительная едкая сатира совмещается с чувством сострадания к землякам. Сколько горьких слез пролило население под Карпатами, покидая родные поля и уходя в негостеприимные чужие края просить милостыню!

«Пожичают, крутят, где могут, боргуют,
Наконец не могут долги повертати,
Прийде экзекутор орек продавати . . .
Берь на ся цанистру а до рук палицу,

Мусишь охабити свою Маковицу.
Плачучи отходит газда несчастливый,
Путе по свити бидный старец сивый!»

Павлович сурово клеймит всех отъявленных врагов народа: графов, арендаторов, спекулянтов, начальство в лице наджупана и поджупана и других. В стихотворении «Бидство Маковицы» поэт заявляет:

«Ах, беда, беда ту жити,
Тых опекунов кормити . . .»

Немало стихов посвящает А. И. Павлович и корчмарям-эксплуататорам, которые продавали водку в долг, чтобы позже отобрать у селянина последний кусок земли. Поэт увещевает народ не пропивать последний грош, чтобы не очутиться с нищенской сумой. Крестьянам было предоставлено лишь одно «право» — пропивать в корчме те последние гроши, что еще остались после уплаты аренды, долгов и налогов. Пьянство крестьян было одним из важных источников доходов панов — корчмарей.

К этому циклу стихов можно отнести: «Пьянство», «Семья пьяницы», «Кумова вечеря», «Корчмарский борг», «1848-1849 г.» и др. Сколько теплых слов и сострадания найдешь в стихах поэта, когда перечитываешь страницы, где певец Маковицы обращается к селянам, чтобы последние гроши, заработанные их тяжелым трудом, не пропивали в корчмах!

«Люде, братья, рад вас маю,
А сердечно поздравляю:
Послушайте раду мою,
Стримайтеся от напою!»

(«Пьянство»)

В ряде стихов поэт выражает решительный протест против панского своеволия и угнетения крестьянства паннами.

«Панове, не ганьте Маковицу,
Ту бывает честный люд под границов!
По горах барз тяжко ту працуе,
Порцию, податки отплачуе...»

(«К вождям народа»)

В неурожайные годы наше население принуждено было уходить на работу «на дольний край» к венгерским и немецким помещикам.

«Мы ту в горах претяженько робиме,
На дольний край заробляти ходиме,
Мы мадырам робити помагаме,
Арендаш-жид на заробку нас кламе.»

(«Песнь карпатогорца»)

Во второй половине XIX века большая часть населения Маковицы, Галичины, покидает свой край и идет искать счастья за границу. Зиновия Франко пишет: »Большое число разоренных крестьян шло на заработки в город, на промыслы, где они за бесценок продавали свою рабочую силу. Результатом создавшегося экономического положения была также массовая эмиграция крестьян в разрекламированную своими «богатствами и легким заработком» Америку... Тысячи крестьян умирали в Америке от непосильного труда, болезней и неблагоприятных климатических условий».¹

¹ З. Франко: «Иван Франко — непримиримый борец против украинского буржуазного национализма», Киев 1952 г., стр. 6.

Стихи поэта, посвященные маковицким переселенцам в Америке, печатаются под заглавием «Старый край и новый свет», и «Честный Руснак с Маковицы рождумуе в Америци».

Правдивое изображение тяжелой жизни переселенцев в Америке, негодование на виновников несчастной доли бедняка — вот одни из характерных черт творчества певца Маковицы А. И. Павловича.

* * *

Вдохновляясь идеями защиты и возрождения бедного народа, которые проповедовали А. Духнович, А. Добрянский и другие передовые деятели, — А. И. Павлович деятельно готовил себя к поприщу народного будителя: изучал жизнь крестьян, их быт и культуру. Из уст маковицкого крестьянства записывал народные песни, пословицы, сказки.

Некоторые песни А. И. Павловича были опубликованы Я. Ф. Головацким: «Народные песни Галицкой и Угорской Руси», часть II, Москва, 1878, стр. 699-717. В сборнике были напечатаны и песни А. Духновича. В лице А. Духновича поэт Маковицы А. И. Павлович видел не только общественного деятеля, но и человека, который, творя народное дело, одновременно служил интересам экономического и национального раскрепощения всех славян. А. И. Павлович горячо стремился помочь своему народу в его поистине печальном положении.

К патриотическому отделу относятся стихи: «Я сын Бескидов», «Вам, сыны русских Бескидов», «Батькови Духновичу», «Попрядову и Торисину», «Глас Русинов», «Песнь карпатогорца», «Песнь русскославянская», «Духу неустрашимого ратоборца Угорской Ру-

си — Адольфу Ивановичу Добрянскому» и много других.

Мы видим, что после пережитых поэтом мрачных картин жизни своего народа, Павлович встретил с восторгом первые раскаты революционной бури, как наступление праздника долгожданной свободы.

«По окончанию мятежа, так реченого Кошутовского, в Угорщине угорские русины российскими полками одушевленные зачали по народному думати...¹ А. И. Павлович был свидетелем прохода русских войск через Маковицу. И это историческое событие не могло не отразиться на его творчестве. «Русинское население Шаришской, Абауйской и Боршодской жуп массаами устремлялось к дороге из Дукли и к Мишковицу, по которой двигалась русская армия, и охотно снабжало ее продовольствием и подводами...» русские войска были радостно удивлены, встретив в неприятельской стране столь дружественное и даже родственное население. Многие солдаты были даже искренне убеждены, что они все еще находятся в России, и все спрашивали, где же, наконец, находится земля неприятельская, мадьярская?»²

«Братя себе познавают,
Что до тепер ся не знали,
Руки соби подавають...»

С этого момента еще больше зарождается у маковицкого патриота любовь к славянским народам, и, прежде всего, к великому русокому народу. Несмотря

---

¹ АН СССР, «Ученые записки института славяноведения», I т., стр. 287.

² Там же, стр. 281.

на то, что «войска царской России появились за Карпатами не с освободительной миссией, а были присланы Николаем I для подавления венгерской революции, все-таки, вопреки планам и желаниям самодержавия, появление русской армии усилило национально-освободительное движение в Закарпатье».¹

Те «свободы», которыми пользовалось население Подкарпатской Руси после 1848-49 г., венгерское правительство начало отнимать и лишать его и тех немногих прав, каких добилось после революции и препятствовать дальнейшему развитию его национальной и политической жизни.

«... В середине XIX века в Закарпатье начало развиваться национально-освободительное движение, направленное против жестокой политики мадьяризации, проводимой венгерскими господствующими классами, будители-деятели этого национального движения — эту общность Закарпатской Руси с Россией, национальное родство закарпатских украинцев с русским и украинским народом, с славянами, живущими на восток от Карпат, сделали знаменем своей борьбы. Духнович, Добрянский, Раковский, Павлович и другие будители мечтали о воссоединении славянских народов, составлявших когда-то единую Киевскую Русь.»²

Господствующие классы Австро-Венгерской монархии стремились убить у населения Закарпатья «всякое сознание национального родства с русским народом, веру в силу и могущество России».³ Певец Маковицы А. Павлович в ответ на это пишет ряд стихов,

---

¹ АН СССР, «Ученые записки института славяноведения», I т., стр. 292.

² Там же, стр. 291.

³ Там же, стр. 279.

в которых выражает свое разочарование над действиями австро-венгерского правительства. «Растущие симпатии славянского населения Закарпатья к России австро-венгерское правительство душило жестоким террором».¹

В стихотворениях «Песнь подкарпатского русина», «Глас Русинов» и в др. Павлович указывает, что многие из интеллигенции, видя бесполезную борьбу, начали стыдиться не только «русского слова», но даже своего имени и фамилии. Под гнетом мадьярского шовинизма они отреклись от своей народности, стали мадьярами и перешли в католицизм.

«Но вы все сынове русского имени,
Вам ся уже явит днесь весна желана,
А вы ся стыдате народного слова,
Милша вам есть чужа, як отцовска мова».
(«Глас Русинов»)

Поэт верил в могущество и духовные силы русского народа и всего славянства. Он любовно учил понимать свое русское племя, словом и делом прославлять, честное русское имя («Замерзшая сирота»). Особенно ярко выразил поэт свое чувство в стихотворении «Марш карпатороссов»:

«Русский народ величавый,
Достоен чести да славы.
Пред ним мы благоговием,
С его цвитов винец вием».

«Маковицкий соловей» был страстным поборником

---

¹ Большая советская энциклопедия, стр. 356, том 16.

дружбы славянских народов. Он видел в дружбе и объединении славянства залог силы и непобедимости. Поэт преклонялся перед всеми славянами и верил в их светлое будущее:

«Родимцы дороги,
Окрутны вороги
Громы на нас пускают.
Мы ся крепко спойме,
Врагов ся не бойме —
Неба нас защищают.
Перуны поминут,
С л а в я н е не сгинут».

Поэт видит роль славянства в сокрушении чужеземных оков, в устранении национальной розни.

«Враги свободы славян оскорбляют.
О люде, братья! Честны народы
Соединитесь в храме свободы».

А. И. Павлович пишет о свободе не только нашего населения, но и всех славян:

«Пусть услышат Руси звуки
Все честны народы,
Пусть сияет для всех племен
Свет святой свободы . . .»
(«Дума карпатоборца»)

По выражению поэта: «Славянские роды — дети свободы».

Певец дружбы между славянами в своих стихах с болью отмечает, что в славянский «союз не вступил

брат наш лях», ибо он «с запада тьмою ослепленный, служит оружием врагам». Поэт отмечает, что в том виноваты аристократия, магнаты и шляхта, а не простой трудовой польский народ. Наш поэт обращается с призывом к братьям-полякам, чтобы даже не мечтали властвовать над славянами, чтобы перестали служить «чужим богам — Риму и немцам». Указав на виновников славянской распри, Павлович, обращаясь к польскому народу, говорит:

«Мы желаем братской Польше
Больше любви, тепла,
Чтоб уже про них никогда
Наша кровь не текла;
Чтобы Польша осладела
Славян жизни горе,
Чтоб реки славянской жизни
Слились в одно море...»

(«Дума об атамане Подкове»)

Прошли десятки лет и мечты нашего поэта о судьбах братского польского народа осуществились лишь после Великой Отечественной войны, когда героическая Советская Армия кровью и великими жертвами освободила Польшу от немецко-фашистского рабства. Теперь народно-демократическая Польша вступила на новый путь — путь построения социализма в своей стране. Лишь после войны осуществились мечты Павловича: «... реки славянской жизни слились в одно море». Павлович с любовью относится также к мадьярским трудящимся, при этом он бичует «проффов» и баронов. Он убежден, что

«Повода не дали славяне
К ненависти к вам, мадярам,

Но вас подъужали римляне,
Немцы, чтобы вы вредили нам».
(«Мадьярам»)

Павлович призывает к укреплению дружбы между всеми славянами перед лицом опасности, надвигающейся с Запада; особенно указывает он на главную опасность для славян со стороны воинствующего прусачества:

«Хладнокровно смотрит мир
На кровавый прусский пир...»
(«1870»)

Как видим, творчество Павловича не ограничивается узкими рамками местной национальной борьбы. Он крепит веру в силы народных масс и братское единство всех трудящихся.

* * *

Совершенно особое место в творчестве А. И. Павловича составляют стихи исторического характера, в которых поэт рассказывает целые эпизоды из истории родного края. К историческим стихам относятся: «Маковица», «Думка над Маковицоградом», «Думки над могилою под Бардиевом на 1849 г.», «Давний Свидник и жители его» и другие. Поэт сообщает множество социально-бытовых и исторических подробностей.

В стихотворении «Думки над могилою под Бардиевом на 1849 г.» поэт обращается к историческим дням, когда в 1849 году на Маковице побывали русские войска. Здесь, на Маковице, лежит павший в бою донской казак. Поэт относится к неизвестному ему донскому казаку, как к родному брату и преклоняется перед его великой Родиной.

Одним из лучших исторических произведений А. И. Павловича является «Дума об атамане Подкове, убитом Польшей во Львове» — вожаке повстанцев, боровшихся с польскою шляхтой. Эта поэма печатается впервые по рукописной тетради, озаглавленной «Думы Александра Павловича, Угросурского Карпатогорца в В. Свиднице, 1875 года».

* * *

Большое значение А. И. Павлович придавал воспитанию молодого поколения. Он на Маковице заботился о просвещении, и потому слагал также и морально-поучительные стихотворения: «Родителям нерадивым о детях», «Учь на добре сына, та не буде псина», «Уменье, разумность», «Просвещенным», «Лжеобразованному», «Свиднички школяры». Подчеркивая решающую роль школы в воспитании подрастающего поколения, певец Маковицы придавал в то же время большое значение моральному воспитанию семьи.

Верный сын своего обездоленного народа А. И. Павлович уже в годы своей зрелой поэтической деятельности открывал глаза народу на одну из причин его страданий. В многих стихах поэт указывает на просвещение, как единственный, по его мнению, путь к лучшей жизни, чего, конечно, было недостаточно для освобождения трудящихся.

«Зачинайте мудрийше уж раз размышляти,
Дайте ваших дитей разум просвищати.
Мы едино прото в нужди, биди, псоти,
Же ся не учиме, жиеме в слипоти».

.....
«А хотяй мы, братья, убоги, худобны,

Але дити маме к наукам способны.
Дитей наших розум треба розвивати
Дати научити читати, писати.
Кебы наших дитей розум мы розвили,
Что то русин може? люде бы видили.

. . . . .
«Докля не зачнеме розум розвивати,
Так мы вепрестанно будеме капати».

(«Песнь дьяха»)

Австро-Венгерская монархия и буржуазная Чехословакия не заботились о просвещении нашего края. Пряшевский край оставался до 1945 года самым отсталым краем Чехословакии.

Семья оказывает влияние на формирование характера детей и молодежи. В каждой семье дети воспитываются в элементарной морали, приучаются к правилам человеческого общежития.

«Кед к доброму за молоду
Дити не напнете,
Та на старость вы пред дитьми
Плакати будете».

(«Учь на добре сына, та не буде псина»)

Поэт призывал народ к стойкой борьбе за свои человеческие права. В многих стихах он высказывает мысль, чтобы детей и молодежь приучать к честности; приучать говорить правду, не скрывать своих преступков и заблуждений. Решающую роль в нравственном воспитании молодого поколения А. И. Павлович отводил школе. Советский политический деятель и педагог, замечательный друг молодежи М. И. Калинин писал в 40-х годах нашего столетия, что «школа выковывает

людей нашего будущего, достойную смену старому поколению...», «кто не пройдет школу, тому трудно будет в жизни, тому трудно будет потом работать.»¹

Подобную мысль мы встречаем в ряде стихотворений певца Маковицы — А. И. Павловича. Поэт обращается к молодежи с призывом овладеть знаниями и наукой. Вот почему стихотворение «Учься, мсе дитя» является наиболее распространенным среди нашей молодежи.

«Вы, диточки, як пчелочки,
Школу нащивляйте;
Пчелы меду, вы мудрости
Во школи глядайте».

Указание поэта на просвещение нашей молодежи, данное 70 лет тому назад, имеет большое педагогическое значение и в настоящее время.

А. И. Павлович призывал молодежь любить труд, в котором каждый человек обретает свое счастье:

«Не будет у тебя скуки,
Когда станут делать руки».

(«Лжеобразованному»)

Особенно ценны эти слова теперь, когда в стране, строящей социализм, труд становится честью, героизмом и доблестью народа. Существует широкая сеть школ, в которых воспитывается молодежь в духе коммунистической морали.

В течение всей своей литературной деятельности

---

¹ Н. И. Волдырев: М. И. Калинин о воспитании коммунистической морали, Москва 1951, стр. 25.

А. И. Павлович изучал народное творчество. Поэт любил народную песню, ибо в песне звучало «то разгульное удалое, то сердечная тоска», как сказал великий поэт русского народа А. С. Пушкин. Павлович был заинтересован в том, чтобы стихи его проникли в деревню и были не только стихами о народе, но стихами народа. Вот почему поэт так широко использовал устное народное творчество. Обращаясь к русской народной поэзии, Павлович создал произведения, написанные живым, разговорным языком. Большая часть его стихов написана на местном маковицком диалекте. Все эти стихи отличаются гибкостью, звучностью и простотой. Остальная часть стихов написана с приближением к литературному русскому языку, с использованием церковно-славянских элементов и польского языка. Сам поэт признается, что в современных ему условиях у него не было возможности изучить литературный русский язык.

Такие произведения, как «Два престарелы слуги», «Выслуженный конь», «Людам не могла угодити мати ани пише, ани на осляти» и стихи из маковицкой среды — «Бабски языки», «Злый сон», «Свадьба», «Свадьба сироты», «Приданы» и другие свидетельствуют о том, что поэт нашей Маковицы глубоко знал быт, нравы и обычаи нашего народа. В ряде стихотворений А. И. Павловича встречается также немало размышлений о цели человеческой жизни, о долге и призвании человека. Несмотря на тяжелые испытания, размышления эти всегда отличаются бодрым, оптимистическим характером. Необходимо сказать, что этот живой оптимизм поэта коренился в его глубокой вере в светлое будущее народа. Поэт жил и дышал маковицким духом, и маковицкое своеобразие проникло во все его литературное творчество.

Следует заметить, что поэт крепко связанный своим происхождением (сын священника) и духовным образованием, до конца своих дней не был в силах отрешиться от идеалистического мировоззрения. Это проявилось в его творчестве в том, что он не видит освобождение народа от порабощения путем революции, а уповает на помощь бога в нравственном самосовершенствовании на почве христианства. К этому его обязывал и его священнический сан.

Певец Маковицы оставил огромное литературное наследство, которое изучается и будет изучаться еще поколениями в будущем.

До сих пор еще недостаточно глубоко и всесторонне исследовано мировоззрение поэта в связи с социально-историческими условиями Закарпатья. Важнейшей темой для исследователей творческого наследия нашего певца Маковицы должна явиться проблема языка произведений, словацко-русские, украинские, польские и немецкие литературные связи и тема славянства.

А. И. Павлович прошел долгий, сложный и интересный творческий путь. Вера в светлое будущее, горячая любовь к родному краю, к его населению, позволили ему уверенно и спокойно глядеть в будущее, сердцем угадывая события, которым суждено было свершиться лишь через несколько десятилетий.

* * *

Отошли в прошлое страшные картины горькой народной жизни и бедствий, запечатленные А. И. Павловичем в стихах. Нарисованные поэтом яркие картины Маковицы являются контрастом с современной жизнью, когда население Маковицы, где ходил и учил поэт более полвека тому назад, строит счастливое бу-

дущее. Поэзия А. И. Павловича до сих пор не утратила своего значения, особенно в воспитательном, патриотическом и социальном отношениях.

Поэт Г. А. Карпатский совершенно прав, когда в стихотворении «А. Павловичу» говорит:

«О, нет, он велик, он еще не погас.
Меж нами звенит его сердце — стихи...»

Свыше полвека прошло со дня смерти А. И. Павловича, но только теперь, в условиях социализма, поэзия нашего певца станет достоянием трудящихся родного края. В наши дни мы смело можем повторить собственные слова «маковицкого соловья»:

«Кто жил духом правды, смертью не умрет,
В сердцах своих ближних вечно жив будет».

Певца дружбы славянских народов, свободы и народного счастья наша молодежь, рабочие и крестьяне, трудовая интеллигенция под Карпатами свято будут хранить в памяти.

Андрей Шлепешкий.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Вам, сыны русских Бескидов,
Поет старший русский брат
Песнь покойных прадедов,
Вот струны сердца звенят:

Люблю вас, Бескиды милы,
Источник живых вод,
Люблю прадедов могилы,
Люблю тебя, мой народ,

Ибо ты в своей святыне
Хранишь чистый веры быт,
В ней божественной истины
Слово — род правопривит.

Правда неспортимая,
Ей не вредна времен плеснь
И, как роса весенняя,
Чиста нашей Руси песнь.

Увы, Русских древний быт
Злоба ложью покрыла,
Его честный хороший вид
Судьба лет очернила!

В русской народной святыне
Сохранен народный вид,
Ибо русский род до ныне
Православие хранит.

Запрягнут в иго подданства
Мучимый был народ весь,
Тяжелые пута рабства
Чрез многие веки нес.

В ярме рабского подданства
Стенал он много веков,
Будь он свободен от рабства,
На нем остал след оков.

Его к земле приковали,
Горькую он жизнь прожил,
Его духа утушали,
Яремничим волон был.

Как с бессловесным делали,
Он предан был евреям,
Те народа сок сосали,
Оскорбляли Руси храм.

Сорок восьмой год сокрушил
Грозного рабства цепи;
Народ венец свободы вил, —
Евреи снуют сети...

Дело славного Кошута
Старец Деак испортил,
Вместо урбарского кнута
На наш люд жидов пустил.

Вот жида днесь господствуют,
Как бывший их царь Ирод,
Железные сети снуют
На несчастный наш народ.

Русский народ утесняют
Недруги из всех сторон,
В порок ему то вменяют,
Что быт предков хранит он.

Повсюду нас оскорбляют,
Матушке верных сынов,
Добродетель в зло вменяют,
Ронят веру и любовь.

Дух народный утесняют,
Дабы Руси изменил,
Ея добро разоряют,
Чтоб народ в нищете жил.

Евреи ныне ликуют,
Ибо им подвластен люд,
Оковы на народ куют,
В вечную пропасть ведут.

О, бодрствуйте, люди, братья!
Дух прадедов с вами есть,
Их зов — громогласна статья:
Защищайте Руси честь!

1894 г.

(По рукописи.)

БАТЬКОВИ ДУХНОВИЧУ

Здравствуй, батьку солоденький,
Ты соколе наш сивенький!
Здравствуй! — желают дитята,
Твои русски соколята.

Твоим чувством воспитаны,
Твоим пеньем взлелеяны
Теби пети помагают,
Род свой облагородняют.

Научившись из «Книжицы»,
Русски хлопята, девицы
В церкви «Хлеб Души» читают,
Александра поминают.

От Попрада аж до Тисы
Под Бескидом горы, лисы
Духновича поминают,
Ему здравия желают.

Даст бог, батьку, будешь жити,
Молодцев руководити,
На дружину назирати,
Ей полетом управляти.

Где так крипка духа сила —
Переминет недуг тила;
Бог не даст таким умерти,
Что народ спасли от смерти!

Ты будил нас всех ко жизни,
Вскормил людей для отчизны,
Первый был ты между нами
Славный умом и дилами.

Вождь народа знаменитый,
Не один вик будешь жити,
Земли нашей муж великий,
Проживешь в сердцах ей в вики!

(«Русская читанка» А. Торонского, Львов 1868.)

ПОПРАДОВУ И ТОРИСИНУ

Возле карпатских источников
 Попрада, Торисы, Ондавы
Видим усердных поборников
 Отчей веры, чести, славы,
Дышающих истины духом,
 Веры, надежды народной
Поздравляющих нас утром
 Грядущей жизни свободной.

Вперед молодцы! Вперед, вперед!
 Пусть исчезает мрак, тьма, ночь,
Лютая зима, снег, мороз, лед! . . .
 Вперед юноши! Бог в помощь!

Мужайтесь, карпатские борцы,
 Укрепляйте душу свою
Да так, как братья черногорцы,
 Жийме жизнью народною!

Поздравляют вас, братья, отцы
 Народной жизни весною . . .
Вперед, вперед, карпатогорцы,
 Вперед с совестью чистою!

Бог в помощь! Братья, вперед, вперед!
 Вперед Торисин, Попрадов!
Плещет нас быстрый ваш полет,
 Ваш парус — народа любовь!

Примите сердечный поцелуй,
Поцелуй народной любви!
Помилуй, создатель, помилуй,
Сеятелей плодом жатвы!

(По рукописи.)

ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОЛОВЬЯМ, УМОЛКШИМ ПО НАШИМ РОЩАМ

Наши соловьи прелестно пели
В бескидской тенистой роще . . .
Их нет! Умолкли . . . Ах, улетели
Нашей надежды радости!

Они помчались, унеслись ветром,
Ужели нам их не слышать?!
Тщетно зовем их да ищем кругом,
Нет их! Молчат, молчат, молчат.

Куда делись вы, наши вещцы,
Любимые певцы Карпат?
Вот, соловьи Тисы, Латорицы
Призадумались, дремлют, спят!

Нет, не дремлют, бодрствуют, думают
Думу свою тяжелую,
Свою лиру предуготовляют,
Песню сердца молчком поют.

У иных сердце борется с умом,
С умом корыстолюбивым,
Иных прельщают почестей дымом,
Грозят народолюбивым.

Сердце! Не дай прельстить себя умом,
Умом злосовестных людей
И поздравляй твоей жизни утром
Надежду наших лучших дней!

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

Platonem de republica

A. N. N. N. N.

Придет пора — правда своим громом
Спящих соловьев разбудит
И тогда станем все чистым сердцем
Врожденным звуком песни петь!

(По рукописи.)

ТОВАРИЩУ ПОЭТУ

За нежный весны твоея цвет
Прими плод осени моей,
Жий благополучно много лет
С подругою жизни твоей!

Ободряй, друг, мой дух постылый
Громкой песней твоей весны,
Мне голос души твоей милый,
Пой народу, брат любезный!

Людам, одаренным чувствами
Правды, не надо унывать,
Ощущенья должны устами
Людам-братьям сообщать.

И хотя бы и не понимал,
И не хотел бы понимать
Народ истины святых начал,
Поэта дух должен вещать.

Поэт должен народу вещать
Звуками души и сердца
Безверие верой поражать,
Любить в людях бога творца.

Успокаивать беспокойных,
Одушевлять нерадивых,
Да устранять битвы и войны
И утешать несчастливых.

Не взирая на гнев и злобу,
Коей нам грозят кумиры,
Пусть проникает их утробу
Жизни дух волшебной лиры.

Надо с Бескидов твердой скалы
Добывать живых вод ручей,
Чтоб освежить народ усталый
К борьбам с тяжелою жизнью.

Из той же наших Карпат скалы
Искру божества добывать,
Чтоб соседы наши ведали,
Что в наших сердцах огонь свят.

Мы должны явить всему миру
Народный дух наших Карпат,
Непоколебимую веру
Благочестивых русских чад.

Пускай соперник наш ведает,
Что нам не надо умереть,
Ибо дух жизни нам вещает:
Господь с тобой, ступай вперед!

Ступай вперед! Тебя же избрал
Бог народов полководец,
Тебе силу духа он дал,
Ступай, доблестный молодец!

Довольно у тебя сил к борьбам,
Дух твой борьбами закален,
Господь поможет твоим судьбам,
Верь и люби, будешь спасен!

(По рукописи.)

Handwritten marginal notes on the left side of the page, including the name 'M. J. ...' and other illegible text.

Main body of handwritten text in a cursive script, starting with 'M. J. ...' and containing several lines of dense, flowing handwriting.

Юрий Гуца Венелин —
Угорския Руси сын;
В Тибаве он узрел свет (1802),
Рано в Москве увял цвет (1839).

Прощай родина — Тибава,
Тьмою покрыта земля,
Твой сын — народа слава,
Прославил твое племя!

Бросясь в древности океан,
Искал славянских бисеров
И, как историк, был венчан
Сердец венцем болгаров.

Труженник упокоился,
На пуху дел своих он спит,
Вечной памяти удостоился
Болгар благодарности цвет.

Получив гроб — красуется...
Дух праведника к небесам
С молитвою помчался,
Он славу сделал всем Россам!

(По рукописи.)

РЕДАКТОРУ «КАРПАТ»

Ныне всяк лишь собой занят,
Руководясь суетою,
И все мы стали горевать,
Притесняемы судьбою.

Вот все мы без хлеба, без грошей,
У нас господствует разврат,
Всеми да всем властвует еврей,
Мы нищенствуем, — он богат.

Брат! В Пряшеве изволили вы меня воззвать,
Чтоб о бедствиях в народе
Утешяемом я написал нечто в «Карпат»,
Путь приготавлиал к свободе!?

Вот стал я размышлять, как бы эту задачу
В пользу несчастных развязать,
Надо погрозиться жестокому палачу,
Преступников надо карать!

Где же причина зла? В народе? Вне народа?
Откровенно нельзя сказать.
И за чем бы нет? Ведь есть печати свобода!
Мы свободно можем писать.

Не так толкуют у нас закон недруги
Славян: вот мы должны молчать!
Вот, от сороковых годов мы уже не слуги,
Нам нельзя свободно дышать.

Врожденные чувства надо испортить,
Возмутить наш поток мыслей,
Заведенья славян повсюду надо закрыть,
Пусть носим мед в чужой улей.

Вот весьма вольная равноправность, свобода,
Ликуй благословенный край!
Ведь для славян не запрещены: воздух, вода,
Пей, голодай да умирай!

Денег довольно можешь в заем брать у жидов,
Учись у них хозяйничать,
Обожествляй мудрость всемогущих Ротшильдов,
Вот у них Европы весь клад!

Серебром, золотом преполнены их дома,
Деньги миром управляют,
Им повинуются боен грозные громы,
Да нас они посрамляют.

1878 г.

(По рукописи.)

.

ВАСИЛЬ РОДУ ИЗМЕНИЛ, РУССКИЙ БУКВАРЬ ОСКВЕРНИЛ

Мальчик честным, русским был . . .
Когда «Отченаш» забыл,
Ученым себя считал,
Русскую речь портить стал.

Вот он чистый паперь взял,
Чудовище начертал
На стыд филологии
И этимологии.

Чужие слова собрал,
Букварь теми забабрал,
Чтоб наши русски дити
Чужому научити.

Его писательский плод
Лишь гнусный, скверный урод;
Его книжки — дурный слог
Без головы, рук и ног.

Эй, Василий ты Чоп ей!
Не дури русских людей,
Чтоб отреклись русских слов,
Чушь приняли соседов!

Ты бессовестно делал:
Русским детям яд подал,
Чтоб, читая, не поняли,
Когда свой ум развивали,

Чтоб казили свою речь;
И не научились ничь;
Чтоб свой род презирали,
Его врагами стали.

Знаешь ты, Василий брат,
Что русский язык богат:
Не требует чужих слов
От иноплеменников!

Они добре то ведают,
Сколько русских слов там мают;
Из нашей русской беседы
Взаем взяли их прадеды.

Вот у их сынов, внуков
Ста русских коренных слов;
Если б те нам возвратили,
Свою речь бы разорили.

Если б наш стол нам вертали,
Мы бы стол с **обрусом** взяли.
Який был бы у них ряд?
Пусть скажет Василий **брат!**

Сколько слов русской беседы
Употребляют соседы?
Русска **дойка** их дойчила,
Русска **обед** наварила.

Як **святой крест** принимали,
Русских **кумов** призывали. —
Много слов русской беседы
Употребляют соседы!

Из русских словарей взяты;
Косы, грабли и лопаты;

Сено, солома, солома,
То суть чисто русски слова.

Сечки треба нарезати,
А коневи с овсом дати.
Як будут дитя **крестити**,
Треба кумов погостити.

Будет **печенье, капуста,**
Каша добра с медом густа.
Двор **чисто** треба замести,
Як до **кресту** будут нести.

Много еще таких слов
Есть у наших соседев.
Знает их пан Василь Чоп,
Его сплодил русский поп.

Учил свои русски дити
Верными народу быти;
Если б из мертвых восстал,
Он László-ву бы сказал:

— Ты в чужбину заблудил,
Мое имя осквернил!
Да, сказал бы русский дед:
«Рода без урода нет!»

Отец букварь в руки взял,
Бросил в землю, приплювал
Да изменника проклял:
— О, Василий, ты пропал!

László, як Иисуса жид,
Русский род ненавидит...

(По рукописи.)

ДУМА РЕДАКТОРУ «КАРПАТА»

Вот «Свет» погас; и нас «Карпат»
    Покрывает тьмою. —
Русский мальчик, не томи нас
    Дурною мечтою!
Русский народ истиною
    Жил да будет жити,
Праведное отечество
    Всем сердцем любити.
Светлость веры, тепло любви
    Русь одушевляет,
Святу думу своей души
    Свята Русь думает.
Чувствами народной думы
    Поют Руси певцы,
Вот потому негодуют
    Римляне и Немцы.
Пусть праведно соотчичи
    С нами поступают,
Отечеству верных сынов
    Пусть не оскорбляют.
Честным людям своей душе
    Нельзя изменяти,
Честь и любовь к родной стране
    Всяк должен хранити.
У всех народов мнение
    То было от века,
Что изменник недостоин
    Чести человека.

Да, изменник лишается
Душевной свободы,
Изменника презирают
Все честны народы.
Изменник оскорбил душу,
Сердце, совесть свою
И лишился душевного,
Святого покою.
Да, не найдет его нигде,
Пока будет жити,
А по смерти изменника
Бог будет судити.

1875 г.

(По рукописи.)

МАДЬЯРАМ

Судьбой брошенные к Дунаю,
В Паннонии вселились вы, —
По кочующих обычаю
Кушали хлеб нашей жатвы.

Тысяч годов в бездну помчались
Так наши, как ваши судьбы.
Не совокупно ли страдали
В Паннонии наши деды?

Деды, матушки да отцы!
Почему гоните нас вы?

Братья! Скажите нам причину
Той ненависти вашей к нам!
Мы любим сердечно родину,
Нам святой отечества храм.

Да! Да вы ненавидите нас
Лишь потому, что мы любим
Истину и что совести глас
Никак утешить не хотим.

Братья! Мы не требуем от вас,
Чтоб не были мадьярами,
Чтоб вы жертвовали ради нас
Вашей природы свойствами.

Вам велит самосохраненье
Умножать семью мадяров,
Искать в болезни исцеленье,
Присосать славянскую кровь.

И мы считаем долгом святым
Народную жизнь сохранять;
Нет, мы не можем и не хотим
Себя погубить, предавать.

Братья! Вы пережили с нами
Уже почти тысяч годов,
Но вы остались мадярами,
Орудием злых соседей.

Повода не дали славяне
К ненависти к вам, мадярам,
Но вас подущали римляне,
Немцы, чтоб вы вредили нам.

И вы, веденные немцами,
Решили славян истреблять...
Преторгнув всякий союз с нами,
Стали свирепо ратовать.

Увы! Уж расторгнута вами
Священного союза нить.
Вы подружились с германцами,
Чтоб царству славян повредить.

Мы не станем мадярами,
Нас Немция не поглотит, —
Мы останемся славянами,
Дух славы это говорит.

Восстану я совестью чистой
Сто миллионным челом
Защитить славян завет святой,
Свержу с гордых голов шелом!

^
Народ в сто миллионов голов,
Одарен силой и умом,
Возьмет господь под свой покров
И защитит любви щитом.

1871 г.

(По рукописи.)

Handwritten text in a cursive script, likely a historical document or manuscript. The text is dense and difficult to decipher due to the image quality and fading. It appears to be a list or a series of entries, possibly related to a military or administrative record. The text is written in a dark ink on a light-colored paper.

К ВОЖДЯМ НАРОДА

Панове, не ганьте Маковицу,
Ту бывает честный люд под границов!
По горах барз тяжко ту працуе,
Порцию, податки отплачуе.

Тот бидный русский люд робит на вас,
Што му розкажете — кончит дораз,
За его роботу, тяженький труд,
Учтите, милуйте тот бидный люд.

Хоть дома и долов он працуе,
А при том барз часто голодуе,
Но прото он любит милый край наш,
За него молится свой Отче наш.

А тот вам младший, неукый брат,
Он чекат на добрый от вас приклад.
Дайте му приклады побожности:
Во вире, надии и милости.

За вашим прикладом иде тот люд,
А подлы приклады ведут го в блуд.
Тот бидный, неукый люд просит вас:
«Вы мудры панове, научте нас!»

«Жебы сме статочно, мудро жили,
Роспустов, пьянства ся хранили.
Кед мудро водити будете нас,
Будеме, як дити, любити вас».

*

Як малые дити, днесь Русины стоят,
Без вождей народных крачати ся боят.
Просят священников, бы их провадили
Ко цели, для котрой на свит ся родили.

Ноже-но до дила отцы священники,
Народные врачи, вожди, начальники!
Провадьте русскую дружиноньку милу
На путь святой правды, господь даст вам силу.

Слава угро-русов есть цель а и мати,
И вы должны для ней дачто жертвовати.
С Русинами и вы придете до славы,
Винец от народа примут ваши главы.

Ноле вирны дити русского народа,
Котрым есть милая народна свобода,
Спойте братски сердца, спойте русски руки,
Станьте друг при другу, як бескидски буки!

С богом до народной вступайте святъни,
Даст бог, лишше будет завтра, як есть ныни.
Поминетя смуток, а настанет радость,
А ваша святая исполнитя жадость.

Уже является зорница потихи,
А тая осветит темны ваши стрихи,
Тая вас поведет до народной славы,
Винцем приздобит ваши русски главы.

Смילו к народному дилу родомилы,
Богом вам данные употребте силы!
Заслужил род труд ваш, бо он вас питает,
Выживность, одежду не он-ли вам дает?

Слава для народа и вашею буде!
С потупою рода вас потупят люде.
А прото глядайте славу для народа,
Най вас не острашат несчастья, пригода.

От неразумного отродильца — брата,
Хотя есть невдячность для вас днесь заплата,
На то не внимайте, так было, есть, буде,
Своим доброчинцам невдячны суть люде.

Люде доброчинцам — до коли их мают —
Вдячность заслужену мало коли дают.
Аж як ся поминут их добродителе,
Много их жалуют, а суть их чителе.

На могилах предков собирают барвинок,
Виют доброчинцам благодарный винок,
Винок, котрый народ своим предкам дает,
Вдячности зеленость — во вик не увянет.

Слезами вдячности гробы предков росят,
Господню благодать на них с неба просят.
Докля народ жиет, потомки их тямят
И жалостно поют: «Вечная им память!»

(«Венец», стр. 48—50.)

К ГАЛИЦКОЙ ЗОРЕ

Галицкая ясна Зоре!
Потиши нас твоим видом,
Осолоди наше горе
В Угорщине под Бескидом!

Вистник, брат твой, из чужины
Чужи чувства нам приносит,
Но ты для русской родины
Принесь, что от тебя просит.

Что русски дити гадают?
Як их надия плекат?
Что русски сердца жадают?
Что русское племя чекат?

Позерай в слезное море,
Проницай всех чувств глубину,
Позри на русское горе,
А открый нам его вину.

Учь нас род свой миловати
Любовию Христовою,
Для народа жертвовати
Вдячно все, и душу свою.

Святу правду познавати
Учь нас и сосидну братву,

Вины слезами смывати,
Котры стягли на нас клятву.

Что ся уже голят раны,
Мила сестро, не роздерай,
Но тых, что суть поторганы,
В соединение сберай!

Ядро нашего народа
Еще крипке и здорове,
Но губит его несгода,
Повитря зимне, сурове.

Который был пред виками
Бог и ныне тот на неби,
Он смилуется над нами
И поможет нам в потреби.

Зорю уже нам показал,
И солнце он нам покажет,
Узел, в котрый свит нас связал,
Справедливый бог развяжет.

А в нас будет прозябати
Народне святое симя,
Кед будем о соби дбати,
Славне будет наше имя.

Так до дила, Зоре мила,
Берься крипко, ступай смило,
А доброго духа сила
Погнет ленивое тило.

Надя даст тебе крыла,
Любовь, святую теплоту,
Абысь смилостиво к нам летела
Грести русскую сироту.

Не опоздней к нам летити,
Мы тя будем вызерати,
Тишитися так, як дити,
Коль к дому вертает мати.

Мы ся тебе выскаржимо,
Что нас болит, что бракует,
Щире сердце отворимо,
Оно чувства да толкует.

Як сердце к сердцу промолвит,
Сердца ся порозумиют,
В сердцах ся любовь обновит,
Зимны сердца ся согреют.

В Беловеже, дня 1—13 апреля 1853 г.

(По рукописи.)

ОТЕЧЕСТВО

Я несчастный в чужом краю,
Як сирота жию я,
Всегда о тебе думаю,
Родная земля моя.

Там, где Бескиды, Карпаты,
Там, там моя отчизна,
Там живет мой отец — мати,
Сестры, братья, родина.

Они о мне ся старают,
Як жию я в чужини,
Я за ними въздыхаю
И по сто раз в години.

О родная земля мила!
Размышляю о тебе,
Твоя магнетова сила
Тягнет мене ку себи.

Не тишат мя чужи краи,
Их роскоши, выгоды,
Мни на мысли горы, гаи,
Студенковы свижи воды.

Милы мне, милы Бескиды,
Где жие мое племя,

Синодическое

Я *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
иже *иже* *иже* *иже* *иже*
иже *иже* *иже* *иже* *иже*
иже *иже* *иже* *иже* *иже*

Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*

иже *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*

иже *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*

иже *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*

иже *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*

иже *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*
 Мена *иже* *иже* *иже* *иже* *иже*

Где жили мои предки,
Там жити хочу и я.

Боже, дай скорей узрети
Село, храм, святу церковь,
Там теби ся помолити
За души русских предков.

1887 г.

(По рукописи.)

МАКОВИЧАНКА

Сирота.

Ту мене мати породила,
Солодким молоком кормила;
Ту в гроби лежат отец, мати,
Пришла'м ту над гроб поплакати.

Не мала я ту с чего жити,
Мусила'м до чужини ийти:
Любезный няню, мамо мила,
Я вас ту в гроби охабила!

Одышла я сирота мала,
Родина моя ту остала.
Цлося мни в богатой чужини,
Пришла'м ту, к убогой родини.

В чужой край, ах, я заблудила,
Как блудна овца я там жила;
Чужой я была там, в чужини,
Чужа'м днесь при русской родини.

Холодно мене ту витали,
За чужу мене познавали,
Чужи суть в моем родном краи
Мой язык, мои обычаи.

Вышла я позрити на село,
Девушки спивали весело,

Народу русску писнь спивали,
Няньове и мамы слухали.

Не живут мой отец, ни мама,
Бидна я ту сирота сама,
Чужа я дома и в чужини,
Бидна я при бидной родини.

Что маю сирота чинити?
Ах, не мам где ся притулити,
Ани там, в богатой чужини,
Ани ту при бидной родини!

Чужу бесиду и обычаи
Отошлю я прочь в чужи край,
Ту хочу жити, умирати,
Где жили мой отец и матери.

1857 г.

(По рукописи.)

НОВЫЙ ГОД

Новый год днесь зачинаем,
Мы вси православны,
Которы крепко тримама
Виры правды давны.

Старой правди будьме вирны
И в том новом годи,
Православность задержуйме
В нашем русском роди.

Ко востоку Духа, сердца
Щиро обертайме,
На неvirность, что западат,
Мы не позерайме.

Востоку ся и бездушны
Цвиточки кланяют,
Пред западом ся лякают,
До купки стуляют.

И так и мы пред Востоком
Поклоним вси главы,
Иисус Восток приведет нас
До небесной славы.

(«Венец», стр. 197.)

ПОХОД КАРПАТОРОССОВ

Слушай, русский человек,
Дух народа тебе кличе:

Смотри быстро, спрости тило,
Рушай, ступай, крачай смилот!

Ступай вперед, русский брате,
Пред тобою дило святе!

Смотри быстро . . . и пр.

Тебе зовет дух народный,
Ты должен быть свободный.

Дух свободы в горах жиет,
Ему народ винец виет.

Русский народ богобойный,
Ненавидит звирски войны.

Если нужно воевати,
Знает стреляти, рубати.

Испытали Шведы, Турци,
Что хороши русски стрильцы.

Французы Москву видели,
Их Москвы пожары грили.

Rejoice

Handwritten text, possibly a list or index, written in a cursive script. The text is dense and covers most of the page. Some words are difficult to decipher due to the cursive style and fading. There are some annotations in the right margin, including "a book" and "a list".

Москва себе жертвовала,
Врага в снугу погребала.

Храбры воины — козаци,
Скусили врасіа Polacy.

Карпаторосс надияется,
Что зла судьба поминется.

Он по вертепах Бескидов
Вспоминает долю дидов.

Русскую думку думает,
Лучшей судьбы ожидает.

Из могил кричат предкове;
Бодрствуйте Руси сынове!

Мужайтесь, скрипляйте уды,
Перед вами працы, труды!

Работайте и спивайте,
Бога в помощь призывайте!

О молодежь лучше дбайте,
Дитей в школу посылайте!

Добрый розум, память мают,
Научатся, что не знают.

Святая Русь добра мати,
Наш род будет защищати.

Что не было, статись может,
Господь бог нам допоможет.

Но мы должны работати,
Сами себи помагати.

Взмагайтесь, русски дити,
Руси врагов посрамити.

Бог освятит добру волю,
Пошлет Руси лучшу долю.

А вы, русские сестрицы,
Польте бурян из пшеницы.

Русским чувством нам спивайте,
Народ облагородняйте.

Жаворонки русской весны,
Поздравляйте свод небесный.

Писнь к небесам возношайте,
Благодати умоляйте.

Жаворонки русской весны,
Пойте, сеструньи любезны.

Сердечны песни спивайте,
Народ облагородняйте.

Ваш голос милый, прелестный,
Развиет цвит нашей весны.

Вас учили русски мамки
Петь сердечные спиванки.

Над колысками вам пели,
Русским молоком кормили.

Русский народ вас годовал,
Тяженько на хлеб працювал.

И теперь вас он питает,
Хлеб и одежду подает.

Возлюбите его виру,
Его народную лиру.

Его церковь, русску хату,
Его души мысль святу.

Да воспоют чувства груди
Народу за его труды.

Молим бога, чтоб здравствовал,
Руси благодый основал.

Русский народ величавый,
Достоен чести да славы.

Пред ним мы благоговием,
С его цвитов винец вием.

Вы народа наставници,
Отцы первосвященници: —

Русскою думу думайте,
За горы не позирайте,

Откуда ненависть к Руси
Православных трапит, дусит!

Кто верит, должен любити,
Не ставляти на Русь сити.

Вы не Римляне не Нимцы,
На вас Руси свитлы винцы.

Русь вы должны почитати,
Ибо она наша мати.

Хочете ли в чести быти,
Вы должны Русь возлюбити.

Ея чувства разделяти,
Жизнь народу развивати.

Мы не Турки, не Татаре,
Не Монголы, не Мадьяре,

Не Нимцы, не Англичане,
Мы русский народ — Славяне.

Нам, Русским, сродны племена,
Вот вам их честны имена:

Болгаре, Сербы, Босняки,
Словенцы, Чехи, Словаки,

Хорваты да Лужичане, —
И Польша к Русским пристане.

Если нет, то онимчится,
В германизме растопится.

Поляки нам родны братья,
Их портят аристократы.

Матушка — Русь убеждена,
Что Польша — сестра прельщена.

Станет разумно думати,
С Русью Бога прославляти.

Вперед, братья, бодро, смило,
Огромное Славян тило!

Дух славянства величавый,
Создаст храм славянской славы.

Смотри быстро, спрости тило,
Рушай, ступай, крачай смило!

1879 г.

(По рукописи.)

ПЕСНЬ КАРПАТОГОРЦА

Не ганьте нас вы без сердца потворы,
Бо бог свидок и свидчат скалы, горы,
Як тяженько, претяженько робиме,
Вас неробов, дармоидов кормиме.

Не ганьте нас вы, что не працуете,
Роскошно с рук працы нашей жиете.
Скажете нам, прочто вы нас ганите,
Коли, что, где нам добре чините?

Не ганьте нас вы, мудрецы, неробы,
Не лейте яд с злобной адской утробы,
Не мучте нас звиронравны сусиды,
Вы причина нашей нужды и биды!

*

В горах, дебрях, по вершинах бываем,
О выгодах, о роскошах не знаем.
Лихо, бидно наши дити одиты
И больше раз мы голодны, як сыты.

Мы на верхах, по убочах ореме,
Овсик, ярчик, татарочку сиеме,
Насадиме бандурочок, капусты,
А осенью наши обыстя пусты.

Коли наши пусты горы миряли,
Лучши земли и паствиска отняли.

Не есть на чим худобоньку тримати,
Бида, псота нам ту, в горах капати.

Хлиба мало родится нам на поли,
А грошей нит: име страву без соли.
Податков нам много кажут платити,
По Бескидах бида, псота нам жити.

Всегда хлиба и паши недостаток,
Голодает так бидный люд, як статок.
Голодным сыты не хотят вирити,
Кажут, что нам не хочеться робити.

Безбожники наш честный люд ругают,
Ах, о нашей нужди, псоти не знают,
Хоть и знают, но не хотят признати,
Же нам в горах прегоренько капати.

Мы ту в горах прегоренько робима,
На дольний край зарабляти ходиме,
Мы Мадьярам робити помагаме,
Арендаш-жид на заробку нас кламе.

С дольных краив хворы домой вертаме,
Там мы доброй, здоровой воды не маме.
Не служит нам мадьярска солонина,
Там мясиско бодай яка сдохлина.

Не мила нам заробена пшеница,
Бо нас биет по рокови зимница.
Всягды бида биднякови на свити,
Что же мают псотны люде робити?

Наши горы дожди, воды смывають,
А дольний край плодотворным дилають
Ах, неплодна нам остават земляца,
Не родится просо, жито, пшеница.

Пуста земля для нас в горах остае,
Овес, ярец нам барз мало выдае,
Стебелцями мы руками скубеме,
А як мухи, от голоду гинеме.

Слабенький люд, слабы кони и волы,
Лазят, орют по убочах поволи.
Ах, тяжко плуг гори-горов тягати!
Что чинити? Трапитися, капати.

Когда на люд правым оком смотриме,
Слиды рабства в околици видиме,
Не есть на нем истинной веселости,
Его состав — сама скоро и кости.

Но як кажут: не есть рыбы без ости,
Суть и у нас пороки и слабости,
Но господь бог даст доброй воле силы,
Чтоб мы нашу слабую жизнь скрипили.

Маменьки нас в слезах любви купали,
Виры чувством в колыске согривали,
Плачущих нас надеждою кормили,
Виры, любви, надежды у нас силы.

Не мучте нас философы, неробы
Пустословным духом вашей утробы;
Вира, любовь и надежда у нас честь,
Наше знамя — православный русский крест.

А где вира, там всемирна правда есть,
Любовь хранит святой покой, чисту честь,
Для народа надежда подает сил,
Вирный народ всегда будет богу мил!

1877 г.

(По рукописи.)

ГЛАС РУСИНОВ

Бескиде, могило на Русинов гроби,
Скажи нашим отцам во твоей утроби,
Что мы еще жием, есьме Русинами,
Но любви, ни згоды не есть между нами,
Бы они, кед можно, из мертвых повстали,
А кед нет, бы духов своих к нам сослали,
Бо мы, их сынове, омлиты и слабы,
Различных похотей своих мы 'сме рабы.
Бурайся Бескиде, скалы ся пукайте!
Духов наших отцев дайте же нам, дайте!
Бы падшую нашу подвигли побожность,
Отняту вернули своим сынам гордость.
В тысящрочных гробах праотцы Русины,
Почувше, что помощь молят от них сыны,
Мохом оброснуты подвигли камени,
Бы 'з их сердец любви палили пламени.
Блискало, гримило, тряслися Бескиды,
Лем раз отворили гробы свои диды,
Из тых вылетели голубоньки сивы,
А загуркотали: О, вы несчастливы!
О, вы несчастливы чада наши милы!
Где-ж вам ся подили старорусски силы?
Кто вас из природной вашей невинности
Выблекол, позбавил русской народности?
Кто же вас позбавил невинного цвита,
Кто вас припровадил во блуд сего свита?
Где-ж вам тая вира, котру вам бог зъявил?
Ах, кто же вас того вшиткого позбавил?

Придут на вас кары, вы злобивы враги,
Что сте спотупили дити наши драги,
Что сте им отняли вшитку силу, красу,
Что их сневажате от давного часу.
Пременит господь бог бескидски яскини
Во свой храм на земли, во свои святыни;
Придет, уже идет благодарне время,
В котром бог потишит засмущене племя.

*

Но вы вси сынове русского имена,
Вам ся уже явит днесь весна зелена,
А вы ся стыдате народного слова,
Милша вам есть чужа, як отцовска мова.
О, вы ваших предков потомки негодны,
Ни теплы, ни зимны, ани не холодны!
Вы, что свой род благий нищите, губите,
А чужину только витате, любите,
То не для вас идет радостная весна,
В котрой скропит Бескид наш роса небесна!
Когда про Русинов придут ярь и жнива,
На вас придут громы и плюта огнива.
Вы русскую, нравно, народну особу
Мучите, биете, кладете до гробу.
Вы зрадцы, тым грозным самобойства скутком
Цильый русский народ прикрывате смутком.
Мы только в надежди в гроб склонили главы
Без ожидаемой покинули славы.
То, что мы желали, за чим сме тужили,
Вы невдячны зрадцы того ся дожили.
Про виру, народость нас били, мучили,
Бы сме ся к племенам чужим прилучили.
Мы при том всим были вирны, постоянны,
Вира и народность гоили нам раны.

Русин народную писнь заспивал себи.
При свадьбе, крестинах, так и при погребѣ,
Он в смутку потиху, — а миру в радотси
Глядал в источнику своей народности.
Старших в почтению вси Русины мали,
Их мудру пораду за святу держали.
В Бескидах панувал: покой, любовь, згода —
Тогда процвѣтала еднота народа.

Днесь але о жалю! о смутку великий!
Бо не еден Русин звиронравный, дикий.
Бий-забий на брата, котрый род свой любит,
Где может, 'му вредит, его працы губит.
Днесь, когда свободу в народности достал,
Отродилец Русин рода зрадцем остал;
Свою ганит, тупит русскую народность,
А в чужой глядает честь, славу и годность.
Он вшиткое злое днесь в Русинах видит,
Нравность, же есть русска, прото ся ей стыдит.
Для него суть вшитки цноты, невинности —
Прото что суть русски — грихи, фальш и злости.
Мовой отцев своих ганьбится, стыдает,
К снѣщенью Русинов врагам руку дает;
Хочет, 'бы сгинуло Русиново имя,
С именем цѣлое славне русске племя.
Он ся с тым побратал, что наш род мордовал,
Что, коль Русин плакал, тогда ся радовал,
Котрый и днесь хочет всех Славянов стерти,
Свое житье глядат во Славянской смерти.
Несчастлива наша народная нива,
Стоит опущена, так як скала сива;
Так як скала сива, стоит русска нива,
Доле Русинова, доле несчастлива!
Пусты русски поля, пусты русски луки,

*
* * *

Русски дити плачут, заломуют руки!
В смуток ся одила Русинова доля,
Хотя уже сгибла старая неволя;
Смутно задуманный русский народ стоит,
Пред свит выступити он ся еще боит;
Стоит задуманный, опертый при буку,
Як бы ждал, бы дакто подал ему руку.
Як малое дитя, что почнет ходити,
Смилости не мает, кажет ся водити.
Так, як тот, что встанул из долгой хворости,
В котрой его тило ослабло и кости,
Хотя уж о своей властной силе встает,
Но ко ходу смелость не скоро достает.
Русин есть розважный, о том добре знает,
Же кто ся понаглят, часто упадает.
Давно он, предавно на Бескиде сидел,
А многих бижашчих упадати видел...

(«Венец», стр. 51—54.)

ПЕСНЬ РУССКОСЛАВЯНСКАЯ

Славянски народы, дети свободы,
Целому миру свободы желают,
Но горды люде, жестоки роды,
Общей свободы духа убивают.

О, люде, братья, мира народы,
Отворите храм общей свободы!

Десятую часть земного мира
Дети матушки Славы занимают,
Плачевно гремит славянска лира:
Враги свободы Славян оскорбляют.

О, люде, братья, честны народы,
Соединитесь в храме свободы!

О, люде, братья, мира народы,
Вам братску руку славянство подает,
Духом всеобщей святой свободы
Вас поздравляя, щиро обнимает.

Пропало рабство, свобода жиет,
Венец свободы славянство виет.

Пропадет гордых подвладение,
Равноправности цветут нежны цветы,
Воплощается уже мнение:
Должен человек человеком быти!

Победную песнь поют народы
Да славословят бога свободы!

(«Венец», стр. 37.)

ПЕСНЬ КАРПАТОРУССКАЯ

Святым звуком русска земля
Свои чадца поздравляет,
Святым чувством свое племя,
Обнимая, лобызает.

Гремят гробы прадедов,
Святым громом русских слов,
Во мне кипит русска кровь.

Русская кровь согревает
Весь моей жизни состав,
Русская совесть вещает:
Помни, что ты русский, Слав!

Почитаю русску кровь
Моих честных прадедов,
Им посвящаю любовь.

Русский мой прадед, прамати,
От век-веков я Русин,
Русь-матушку обнимати
Должен благодарный сын.

Кому закон любви свят,
Тот Русь любит, тот мой брат,
Каждый изменник проклят!

Кто свой народ опускает,
Грешит против природы,
Не найдет, чего ищет,
Останет без свободы.

Он от всех будет проклят,
Гнусный людям, яко гад,
Каждый изменник проклят!

(«Венец», стр. 38.)

ПЕСНЬ ПОДКАРПАТСКОГО РУСИНА

О, Русь Подкарпатска, земля для всех братска!
Ты мене вскормила,
Мене воспитала,
Сердцу виру дала,—
Здравствуй, мати моя мила!

Грудь твоя природна — хоть кормом неплодна,
Но чувством любви
Богата, обильна,
В виле предков мильна,
Крипка дилом, не лишь словы!

Не напоем сласти, роскошной страсти —
Но ты своего сына
Поила слезами,
Наполняла снами
Сумными, як смерти днина.

И от лит дитинных — я в горах родинных
На твой край несчастный
Смотрю слезным оком
И в жалоу глубоком
Россылаю ропот страстный.

Твое слово родно тут людям холодно;
Не хотят тя знати,
Хулят да ругают,

Твой род оскорбляют, —
Чим же согрешила ты им матери?!

То чейже забыли они про могилы,
Где их предки славны,
Что скорб своей жизни
Несли для отчизны
И до бою были справны!

Мало нас ту мало после тех остало
Вирных русский братий;
Но и те немноги,
Хоть нищи, убоги, —
Знают род свой охраняти!

Во имя господне племя благородне
Укрепится в силы;
Ему бог поможет,
Гордых переможет
И прославит край наш милый!

А тогда звучнийшу писню, веселийшу
Стану я спивати;
И помолюсь богу
За милость премногу
И за тебе, русска моя матери!

(«Венец», стр. 43—44.)

ДУМА КАРПАТОБОРЦА

О, родительная мила
Святая Русь мати,
Учи меня твоей души
Думушки думати!
Моли миров создателя,
Чтоб я вдохновлялся
Истиною того духа,
Коим мир создан;
Чтоб вицая Руси лира
Вирою дышала,
Звуками святой истины
Сердца пронизала;
Чтоб Руси вирные чада
Из сна пробудились,
Виры, лыбви да надежды
Чувствами молились.
О, Русь — мати, помолися,
С твоими сынами,
Чтоб мы истину вицали
Сердцем да устами.
Пусть услышат Руси звуки
Вси честны народы,
Пусть сияет для всех племен
Свит святой свободы.
И согриет теплою
Все на земли роды,
Чтоб принесли создателю
Своей жизни плоды.

О, господи, благослови
Струны нашей лиры,
Чтоб понял запад истину
Православной виры!

(«Венец», стр. 57.)

ПЕСНЬ

Ци то неба воля или такой воздух?
Русин встал от сна, воскрес народный дух,
Снесе ругание — врагов гонение,
Должен жити его добрый народный дух.

Небесная воля уже не могла снести,
Хотила Русина с неволи вывести.
Народы презрили Русина квилили —
Ах, сирота не мат миста, ани чести.

Коли на Русина солнце засветило,
Между народами громко загримилло:
Русь мертва прочь встала? клопот нам дилае!
Молчте, добры люде, уж инакше буде!

Вы равноправность нам настали выдали,
Из той в сердцах ваших вы нас вымазали.
Даремны прелести, Русь не дастся свести,
Русины познали, что вы их прельщали.

Таблицы на грудях вы себе вишали,
А всим однакову любовь обищали;
Хоть право однаке, но сердце двояке,
Мы уж попахали, як вы нас кламали.

Русь на вас не хочет клятву положити,
Что про вас мусила народность таити;
Русь, что была тайна, уж миру явила,
Не дастся прельстити — да Русь должна жити!

(«Векец», стр. 45.)

МАКОВИЦА

(Исторический очерк.)

Най нам повист, кто знат в Шарышской столици:
Откаль-же походит имя Маковици?
На тот вопрос хибаль то отповидаст,
Же вера певного о том нич не знают.

О том имени ся люде догадуют,
А для Маковици мена выдумуют.
Я сын Маковицы, ей народ милую,
О ей минулости писати спробую.

Дванадцтого вику а и в половици (1241)
Уж fõisrân Tegus знал о Маковици.
Бардиевски мнихи цареви скаржили,
Же пряшевски нимцы пакость им чинили.

Же отбирают им лисы и паствиска —
Недобры сусиды Саксонцы, немчиска.
Tegus был высланный порядок сробити,
Он по горах-лисах мусил проходить.

Вспоминат он воды: Топлю, Лукавицу,
А и одну гору — меном Маковицу.
Чому тому гору люде так назвали?
Нам о том предкове нич не написали.

Думам, же от маку
Назвиско достала,
Бо так як макова
Главка, высмотряла.

*

Больше замков было в Шаришской столице,
А между тыми был и град Маковици.
Кто дал го ставити, дарьмо ся звидаме,
О том никто не знат, ани мы не знаме.

Люде, котры тогди при замку робили,
Та их небожата мучили, трапили.
А о том трапенью едну писень мают,
Стары бабки тоту жалостно спивают:

«Коли мурували билу Маковицу,
Гонили на панске убогу вдовицу.
Едну недиленьку мужа поховала,
Другу недиленьку сына породила,

Третью недиленьку на панске ей гнали,
На панске ей гнали, покоя не дали.
На панске ся брала, горенько плакала,
А в своих слезоньках сыночка купала.

На одной рученьки сыночка тримала,
А с других рученьков каминя давала:
Муруйте, муляре, билу Маковицу, —
Не гоньте на панске убогу вдовицу! —

Каминя давала, горенько плакала,
Горенько плакала, озеро глядала,
В котром бы навики сына окупала:
Плавай сыну, плавай в глубоком озеру,

Не зазнал есь отца, не зазнай матери!
Отца есь не зазнал, бо ти го Господь взял,
Матерь тя втопила, та и ей не зазнашь».

В угорский краини, в Шаришской столици
Жили славны люде ту, на Маковици.
Над Зборовом замка смутны развалины, —
В том замку бывали вождёве краины.

Як Zudar, Seregy, так потом Rákóczy, —
Як замок погорил, они во Зборови
Каштели для себе мурувати дали
Около тых сто лип садити казали.

Кебы тоты липы прогварити знали,
Раковцову славу бы нам выглашали.
Як уж поминулся славный князь Раковци,
Потом граф Aspremont бывал во Зборови.

Он ко доньки принял зятя Erdődy-его,
Позднийше другого графа Szirmay-его.
Тоты Маковицу дилили, торгали,
Одышли геть от нас, а мы ту остали.

Они урядников немцов ту тримали,
Тоты по-нимецки народ муштрували.
Но тысящосемсто штрадцатьосмой яри
На диете были снесены урбари.

Престала панщина, престало подданство,
А край вынаградил оречите панство.
А што потому ся в краини водило, —
Не вспоминам, бо бы раны разъярило.

(«Венец», стр. 63—65.)

СТАРОДАВНЯЯ ПЕСНЬ МАКОВИЦЫ

Уж ем скусил много краю,
Вси стороны при Дунаю,
Всим превозношу столицу,
Ту веселу Маковицу.

В Маковици, в горном краю
Черствы витры подувають,
Лисы, горы, здравы воды
Укрепляють людски уды.

Много время бы стратити,
Кто бы желал выявити
То, что известно каждому,
Непотребно хвалити ю.

Смило можу повидати,
Же весело в ней бывати,
Что пребывал князь Раковци
В утишинью Маковици.

Замки мает с каждой страны,
Там и миста мурованы,
К тому славну квасну воду
Аж на цилую Европу.

Ту нараз можешь видити,
Яки суть люде во свити,
Понеже ся ту снайдують,
Маковицу нацивуют.

Ходят Москале с Турками,
Нимец, Прусак с Муринами —

И ины мира народы
Узришь коло квасной воды.

Желаючи — что скусити,
Не треба му далее идти,
Лем най глянет в горну страну,
Узрит веселость немалу.

Кто бы ся смил споважити
Маковицу спотупити,
Тот не знает розважити,
Что здравлю может служити.

Так, яко ранна зорница,
Превесела Маковица,
Лежащая от сивера
В округлости яко перла.

Красны горы, так и лисы,
Суть от вшиткого веселши,
Еще и вода двояка —
То веселость человека.

Правда, же вина не мае, —
Але на сбыт паленки е,
Прото в себи нема хибы,
Бо в ней люде, яко рыбы.

Ныни себи заспиваю
Ту в прекрасном нашем краю,
Же'м ся вселил в той столици,
Пиля горы Маковици.

Где жили наши предкове,
Князи, графы и принцове,
Як можно отступити —
Отечество зохабити!

Та птах, свободный в литанью,
Преци не вылетит с краю,
Лем все прятне, где ся влягне,
Бо его там сердце тягне.

Так я смутный, хоть сирота,
Не шествую гет до свита,
Лем соби тади гуляю,
Отечество охраняю.

Красша ричь есть то творити:
В дидицтви ся оженити,
Най ся множит фамилия,
Что кажет бог, хочу и я!

(«Венец», стр. 40—42.)

ДУМКА НАД МАКОВИЦОГРАДОМ

Славный в Паннонии был град Маковицы,
В том князи бывали той-то околицы.
Уничтожителей силой розбуренный —
Над Зборовом стоит замок спустошенный.
На развалины ся люде оглядают,
О них розманиты мысли повидают.
На Маковицоград дух мой позерает —
Русин на славянских гусях выграваает.
Слушайте, славики! Слушайте, горлици!
Вирный Русин спиват матке Маковици.

*

Розбурены муры Маковицограда!
Где же ваша краса, роскоши, парада?
Где славны князи, что вас ставити дали?
Где бидны людкове, что вас сбудовали? —
Молчачи говорят града муры нимы:
«Минулося вшитко, поминемся и мы:
Сничтожила вшитко времен грозна сила,
А в знак минулости нас ту оставила».
Ах, дарьмо предарьмо с часом ся смагаме,
Сильны наши стины час бурит и ламе.
Час створенны ричи за нич себи цинит.
Ах, вшитко ся вшитко на свити преминит.
Что во-вик останет? Что не преминится? —
Лем вира, надежда, любовь есть всевична.
Где суть твои князи, о Маковицоград! —
Ах, мало-кто о них мало-что памятат!

Беловежа 1859 г.

(«Венец, стр. 65—66.)

ДУМКИ

над могилою под Бардиевом на 1849 год.

I.

З над синего Дону
Козак выезжает,
Свой родимый край козацкий
Думкою прощает:

«О, Донская земле,
Козацкая матери,
Прощай ныне, — бо я должен
В чужину ступати.

Прощай отче, матери
И сестры миленьки,
И ты, Доне, синий Доне,
Батьку наш старенький.

Царь велит, — я должен
Ныни вас кидати;
Где-ж я буду, синий Доне,
Коня напавати?»

Козак, попрощавшись,
Коня затинает;
Конь заржал, и приуныло
С козаком ступает.

II.

Козак степом мчится, —
Земля загремила:
«Ой, вернись, вернись, козаче,
Там твоя могила!»

— «Не страшна могила
Мне тут, на родине:
Только жаль мне, хоть бы славно
Умерти в чужини!»

III.

Минул козак степи,
Конь под ним поткнулся:
Чей, козаче, жаль про тебе,
Что ты не вернулся!?

Идут в чужи горы,
Конь жалобно ржает,
Чей, козаче, враз с тобою
Про Дон вспоминает!?

IV.

Под Бескидом хмары
Черные собрались;
Ой, не хмары то, — а хищны
Вороны слетались.

Под Бескидом громы
Сильно раздаются;
Ой, не громы то, — а войска
Сопротивны бьются.

V.

Кругом козаченька
Летят стрелы градом
Но он скачет и рубает
Все козацким складом.

Тысячная куля
Козака минала,
И не куля, — а мадыарска
Сабля его стяла.

VI.

Конь заржал жалобно
И упал над ровом. —
Ой, вырыто козакови
Гроб под Бардиевом.

Родны донски братья
Его хоронили,
На могиле православный
Крест свой устремили.

VII.

Козацка родина
Над Доном пирует:
Из далека — от Бескидов
Тихий витер дует.

Не витер то дует
Легкокрылый, тихий, —
То несется дух козачий
До родинной стрихи.

— «Не страхайтесь, братья,
Други мои милы,
Се я, ваш козак — товарищ
С Бардиевской могилы!

Тяжко душе Донской
В чужом, краю спати,
Ой, слетил я с витром родным
Вас хоть повидати!

А вы-ж мою просьбу,
Братья, послушайте:
Як зачнете думку пети,
На меня згадайте!

Я на каждую згадку
Сейчас тут явлюся, —
Хоть на хвильку синим Доном
Ваши утешуся!»

VIII.

Козака родина
Плачет там над Доном,
А я тут, Бескидский Русин,
Томлюсь жалким стоном.

Извини, козацка
Мати многослынна,
Что чужий я ныне плачу
Про твоего сына.

Ведай, у могилы
Сына — одна мати
Может с правдою священи
Слезы проливати!

(«Венец», стр. 66—69.)

ДАВНЫЙ СВИДНИК И ЖИТЕЛИ ЕГО

(По народному.)

В Шаришской столици мы
два Свидники маме,
Еден Вышным, а другий
Нижним называе.
Нижний Свидник и старым
звыкли называти,
Бо там, в Нижнем Свиднику
была церковь мати.
Где панска загорода,
там стояла фара,
Недалеко от фары
была церковь стара.
Забаглося Сирмаим
каштель мурувати,
Росказали оттале
Фару гет прятати.
И газдам розказали
хижи розваляти,
А зачали грофове
каштель мурувати.
Зачали ся грофове
в Свиднику ширити,
А розказали стару
церковь розбурити.
Дервяну церковцу
спрятати казали,

На страни мурувати
нову помагали.
Свиднице ціле панство
грофове продали,
Прочь одышли, а люде
в Свиднику остали.

*

При Свидниках сходяться
ярки и потоки,
По дождях тоты рики
широки, глубоки.
Выше Свидников тече
вода с Капишовы,
А с тов сходится друга
из Ладомировы.
Теперь уж разом плынут
по межи Свидники,
Ту робят много разы
шкоды превелики.
Теперь рика свидницкий
хотарь розлучуе,
Старый як-так, молодой
бодай як газдуе.
Понижей двох Свидников
там Ондава плыне,
А в той свидницкой води
назвиско уж гине.
Уж ей Ондавой вшитки
люде называют,
Рыбари в ней много раз
рыбок наимают.

*

Русски люде в обидвох
Свидниках бывають,
Природным русским словом
бога прославляють.
На свидницких хотарях
мало росне травы,
Не мають свидничане
сина, ни отавы.
В лити не есть што пасти,
в зими с чим кормити,
Со слабым статком тяжко
хотарь обробити.
Ах, не мож у Свидниках
теля приховати,
Не есть, не есть откале
крайцарь на соль взяти.
Ах, нет молока, масла,
сыра, ни жентици,
Псота нам бидным жити
ту, на Маковици.

*

Вьшний Свидник варошом
люде называють,
В Свиднику пять ярмарки
до рока бывають,
Ярмарки свидничанам
псоты задавають,
През ярмак ничь не робят,
ходят, попивають.
Кебы свидницки жены
хлеб печи хотили,
На ярмаку они бы
дашто заробили.

Кебы мясо напекли,
каши наварили.
Вдячно бы им фурмане
за то заплатили.
За роботу они бы
страву осолили,
И галушки може бы
соби намастили.
Стропковяне в Свиднику
гроши заробляють,
А свидничане соби
ничь не огадають.
Лиха на них одежда,
о дити не дбають,
Бо во Свиднику люде
лем козы тримають.
Кебы овцы тримали,
липше бы робили,
Бо бы ся с овчей волной
красно приодили.
А мали бы от овец
бриндзы и жентицы,
А с волны теплы чуги,
гуни, рукавицы.
Овчий гной барз поправят
по горах хотари,
Прото панове всягды
ставляють кошары.
Прото всягды уроды
они красны мають,
А за дороги гроши
волну продавають.

Бидны люде тримают
лем тоты козиска,
Бо не мают про овцы
своего паствиска.

*

Вышнесвидницких газдов
буду рахувати,
От першого нумера
я мушу зачати.
Там под першим номером
есть мурованица,
Мурувати ей дала
Шаришска столица.
В той муруваной хижки
честный газда сидит,
А во вшитком порядок
чистоту рад видит.
Циле обыстя красне,
таке як курия,
Мы за то похвалити
мусиме Андрея.
С першой женой тот газда
не мал жадны дити,
Як жена померла,
мусил ся женити.
Умерла стара жена,
взял себе молодщю;
Андрей вздыхат, вспоминат
женичку усопшу.
Шкода небоженьки, шкода,
превелика шкода,
Якось ся не подобат
старому молода.

Перед тым жил терезво,
теперь зачал пити,
А за то Андрея мы
мусили ганити.
Он честным человеком был
и честным остане,
Кед збыточно палинку
пити перестане.
Ноле, ноле Андрею
соби роздумайте!
Вам барз шкодит палинка,
та ей покой дайте!
А под другим нумером .
жиют небожатка,
Ваньо с Марьев тишатся,
бидны сиротятка.
Там под третьим нумером
газда с Капишовы,
Най господь бог поможе
мами и няньови!
Барз тяжко им проходит
диточки ховати,
О господи боже, рачь
ему помагати.
В его обьстю отчим
добри знал ковати,
Але мабыти не знал
гроши откладати.
Под четвертым нумером
двое небожатка,
Працуют так, як можут,
ховают телятка.
Не старайся Яцуро,
же машь дробны дити,

господь бог допоможе
дिति выховати.
Пятыи нумер той хижи,
что стоит на рогу,
Я жалую газдову
женичку небогу.
Она бидна, хорлява,
тяжко ей робити;
Но уж ся дочекали
працовитых дити.
Осиф до газдовства мат
дось своего розума,
Он не просит порады
от своего кума.
Же он дось розума мат,
и люде признали,
Бо за рыхтаря его
в Свиднику выбрали.
Осифови рыхтарство
небарз попружило,
Он, як рыхтарь, напился,
газдовство халило.
А пак Осиф неборак
мусил бирошити,
Несчастливо бирошил,
мусил охабити.
Уж нияк Осиф соби
не мог рады дати,
Та пошол на долний край
гроши зарабляти.
А хоть заробил долов
може и сто златы,
Як их вынис, та мусил
дораз их выдати.

Тяжко, претяжко было
Осифови жити,
Голодували его
небожатка дити.
Осиф в зүфалливости
уж барз начал пити,
А во своем пьянствии
вшеліяк робити.
Сестра и швогор ему
помочи хотили,
Про Осифа бычата
с выховку купили
Про Осифа заробку
того было мало,
Бо гарлиско барз дуже
напою жадало.
Осиф опамятався
и перестал пити,
а с волми барз счастливо
он зачал купчити.
Людям гроши повертал,
теперь честно жие,
Цалком переминился,
от коли не пие.

(«Венец», стр. 76—82.)

ЕДЕН ДАВНЫЙ ВЫБОР В СБОРОВЕ

О люде! Люде, что вы робите?
Же вы тым блудным жидам вирите!
Жидам до власти вы ся отдали,
Вы за паленку виру продали.

В Сборове жидаы вас высмивают,
За ваши вота тысящи мают.
Омамунили вас лицемиры,
Вы согришили противко виры.

Вы своих водцов споневажили,
Против народа вы согрешили.
Вашу честь жидам вы запродали,
Зрадцов, Юдашов вы послухали.

Овечки наши ах заблудили . . .
Ах, их огавны звири зрадили!
Пастыре смутны ноты пискают,
А потрачены овцы глядают.

Базюси, базю! — ходят плачучи.
Овечки ко ним бижат бечучи.
Овцы до своего идут кошара . . .
Пискат премило русска фуяра.

Наши овечки ах заблудили,
Их во Сборове жидаы зрадили.

Жи́ды от Тоста тыся́чи взяли, —
Пия́ци того́ пана́ выбрали,

Што́ не зна́т ко́ нам слова́ проречи́,
Кед́ к нему́ гвари́шь, он стисне́ плечи́.
»Nem tudom« — ци́ла его́ беси́да.
Ту́ машь, Ива́не! Ты́ слуха́л жи́да!

Тот пан не́ хочет на́ тя смотре́ти,
Кого́ же́ ся́ будешь ра́дита?
Жи́ды тыся́щи от Тоста́ взяли,
А́ мы в поту́пе, в ганьбе́ оста́ли.

Бидны́ людко́ве барз́ ся́ шкре́бкуют,
Жи́ды ся́ смию́т, гро́ши считаю́т.
Тоты́ тыся́щи зато́ доста́ли,
Же́ макови́цкий лю́д окла́мали.

Тепе́рь уж́ наши́ люде́ взды́хают,
Часто́ до́ чела́ се́би ко́втают.
Бо́дай наш́ мозо́к гавра́ни пи́ли,
Кед́ мы́ збийсви́та лю́дям ви́рили.

Котры́ нас́ все́гда́ кла́мут, сди́рают,
Ви́ру и́ язы́к наш́ вы́смиваю́т.
Мы́ тых́ зра́дливых́ га́дов слуха́ли,
Што́ за́ окла́мство́ тыся́щи́ взяли́.

Они́ на́ наших́ по́пов ю́дили,
Котры́ ру́сского́ пана́ хоте́ли,
Бо́ жи́дам́ тре́ба пана́ тако́го,
Что́ ненави́дит́ хло́па бидно́го.

*

Подло, преподло мы уробили,
Нашим духовным ми не вирили
Прото, же жиды их огваряли,
Мы жидовского пана выбрали.

Тот не прогварит к нам ани слова,
Окламала нас тота Сборова;
Окламали нас чужи панове:
Слипый Шимонек, двоими Тостове

И тот натяглый айнемериско,
И орсацкого писарь лотриско, —
Баламутил нас Кимба в Сборови,
Он колиси жил в Польше, в Тарнови.

Отгамаль принис гроши в кишени
И вшеліяки драги перстени . . .
Мы бы до газет могли писати,
О Кимбакови на знамость дати.

И тот сборовский Капи гугнявый,
Что мал колиси гагор диравый,
По межи люди гев — а там ходил,
Напроти русских попов гугнотил.

Окламанный миряль с хлопцем братовым
Был в Сборове слугом Тостовым,
То знамы люде на Маковици,
Мы ознамиме их и столици.

Як не по правде всягды миряют,
А наших людей кламут, сдирают.
А тым Юдашам люде свирили,
Что наших людей всягды кривдили.

(«Венец», стр. 208--210.)

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ
УСЕРДНЫМ РЕВНИТЕЛЯМ, ЖЕЛАЮЩИМ
ОСНОВАТЬ В ЧЕРНОВЦАХ
РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ**

Радуйся ты, Русь! Сироты дети,
Лишены вельмож любви,
Стали о себе сами радети,
Крушат неволи оковы.

Оковы рабской духа неволи,
В которых горько стонали;
Не было в хате хлеба, ни соли,
Наги пред светом стояли.

Ожесточилась вельмож природа,
Неблагодарны сынове
Презрели язык, церковь народа,
Томили народ панове.

Вражая сила не утушила
Искру божества в народе,
Она плоть Руси лишь утомила,
Но дух жив в ей природе.

Вот дух свободы сокрушил пута,
Двери темницы отворил,
Истребив строгость палок да кнута,
Всю крепость рабства разорил.

Народ лишенный вельмож помочи
Силу жизни развивает

Да все туманы, ужасы ночи
Свет истины прогоняет.

В народной среде хлопов и попов
Предводители восстали,
Господь народу дал рудокопов,
Чтоб золото добывали.

Плодотворная сила народа
Подаст плоти хлеба-соли,
Ум убогатит духа свобода,
Будут овцы, кони, волы.

Лютым давленьем раб изнуренный
Стал исправляться мученик,
Опять на него палач пущенный,
Среблолюбивый мошенник.

Народ бороться должен с врагами, —
Думу жизненну думает
И, работая на хлеб руками,
Верит, любит, уповаает.

Племенная кровь уже вскрипела,
К борьбам жизни народ готов,
Преодолеет народа сила
Да Русь покорит своих врагов.

Мы ожидаем лучшей судьбины
От создателя народов
Да прозябает из сердцевины
Зародыш народных плодов.

Поздравленья Буковине
Из угорских Карпат

Приносит русской дружине
С почтением русский брат.

Благоденствуй, Буковина,
Распространяй Руси свет,
От Угорской Руси сына
Прими сердечный привет!

Твой подвиг нас ободряет
К тяжелым жизни борьбам,
Господь да благословляет
Руси просвещения храм!

1876 г.

(По рукописи.)

ЕВРОПА

Да, Европа не спокойна —
Из всех сторон грозит война...
Вот повсюду зброй купуют
Да о войне раздумуют:

Французы, Немцы, Австрия,
Русский, Турок, Италия,
Морска барыня, Англия...
Против нее Ирландия;

Желает свободной быти,
Иго лордов низвергнути,
Ибо народ притесняют,
От всех землю отнимают.

Люд бедствует в Ирландии...
Что же сказать об Индии?
Как лорды хозяйничают?
Людей мучат, убивают.

Дрожи, свирепа Англия!
Тебя накажет Индия
За все кривды своих сынов,
Коиx ты проливала кровь.

Не прельстишь ты Афганистан,
Не сокрушишь силу славян,
Они сокрушат твой кумир,
Освободят от рабства мир.

1884 г.

(По рукописи.)

1870 ГОД

Хладнокровно смотрит мир
На кровавый прусский пир.

Что же сделал Наполеон?
Французов немцам продал он.

В плен себя прусакам дал,
В бездонную нечесть впал.

Изменник себя наказал,
Из поля брани он удрал.

Пусть томится Наполеон!
Своей судьбы достоин он.

На Францию позираем,
Над ей судьбой мы рыдаем.

Вот ста тысячий упал
Доблестных сил генерал.

Повсюду вопль сирот да вдов,
Французская вопиет кровь.

Земные плоды истреблены,
Деревни, грады разорены . . .

Вот так то так, вот так-так
Хозяиничает прусак.

1877
Handwritten text in a cursive script, likely a ledger or account book. The text is arranged in several columns and rows, with some entries appearing to be numbered or dated. The handwriting is dense and somewhat difficult to decipher due to the cursive style and the quality of the scan. The page is numbered 1877 at the top center.

Вот теуто́нские полки
Храм свободы разоряют,
Кровожаждущие волки
И славянству угрожают.
Немец не любит свободы,
У него вещество — бог.
Совокупитесь, народы!
Немец-воин всем нам враг.
Свободными хотим быть,
Воля дело сотворит,
Мы должны преодолети,
Наш дух немцев покорит.
Ура! Ура, сыны Славы!
Пусть кружит свободно кровь! . . .

*

Законов мудрых, священных,
Культуры ожидали мы
От народов просвещенных
Для нашей славянской тьмы.
Но теперь мы убеждены,
Что наша тьма — лучший свет,
Что немцы ожесточены,
Что в их сердцах камень, лед,
Что культура у немцев
Грубое железо, кровь, —
Настоящие варвары
Убивают французов.
Звереправность теутонов
Не нравится славянам,
Не хотим Наполеонов,
Но Франции надо нам.

(По рукописи.)

*
* * *

В городе насильственная мода,
Но на селе чистая природа.
Мы боремся с природою,
Вы с чудовищем — модою.
Кто же честный гражданин:
Хлебороб ли, иль воин?
Где надо его искать?
Скажи ты, природа-мать!
Кто остался тебе верным?
Кто живет правом примерным?
Кто сладит жизнь работою?
Кто друг да кто враг покою?
Кто томит весь мир войной?
Городский житель, постой!
Призадумайся, брат мой!

Вы извольте извинити,
Что мы не в модном костюме;
Пришли в город наши дети...
Нам же не было на уме
Из детей панцов делати,
Каковых мы видим у вас.
Природа проста наша мати,
Роскошной моды нет у нас.
По просту мать кормит детей
Сластью своих теплых грудей.
В городских дамах любви нет,

Их детей кормит наймит.
В городской жизни природа спит,
За деньги там все творит наймит.
В городе банкир батько еврей,
Кормит деньгами дурных детей.
В городе за деньги купишь все, брат,
Что жаждет похоть, что очи видят.
Там продают венцы девиц,
В городе нет нежных горлиц.

(По рукописи.)

ДУМА ОБ АТАМАНЕ ПОДКОВЕ, УБИТОМУ ПОЛЬШЕЙ ВО ЛЬВОВЕ

Ой у Львови сенаторы
Серпягови смерть судили
И козака молодого
Да израдно словили.
Песнь об атамане Серпяге.

Триста лет уже минуло . . .
Вот час бы во Львове
На площади поставить
Памятник Подкове.
Вот уже час атаману
Братний долг сплатити,
На могилу с цветов сердца
Венок посвятити.
Начнем, братья, сердечную
Думушку думати,
Расторгнутый братский союз
Любовью сцепляти!
Слушай, ты Русь и ты Польша,
Сестра Руси мила,
Я желаю, чтобы ты Русь,
Русь тебя любила.
Помолимся богу любви,
Чтоб его волею
Ах, уже раз помирились
Русь свята с Польшею,

Чтобы нас одушевляла
Вера, любовь свята.
Помолимся да обнимем
Друг друга, брат брата.
Уже триста лет минуло,
Когда в русском Львове
Ах, усекла Польша, сестра
Голову братови.
Сестра Польша во Варшаве
Не раз так делала,
Славных русских ратоборцев
Головы стинала.
Ах, немало русской крови
Польша проливала!
Грозна Польша смеялася,
Когда Русь плакала.
Русский народ собрал силы
И стал Польшу бити,
Погибали двух народов
Доблестные дети.
Соседами подуцались
Наши прапрадеды,
Мы племенной борьбы видим
Ужасные следы.
Куда ни поглядываем,
Повсюду могилы,
Ужасы междуусобиц
Героев покрыли.
Грозной братской ненависти
Много жертв упало.
Братья! Надо рассмотри
Тех боев начало.
Король Польши иностранец,
Враг Руси, Батори,

Велел усечи голову
Славного Подковы.
Поляки лестью, коварством
Козака словили,
Праведного неправедны
Судии судили.
Осудили неправедно
На смерть Руси сына,
Чтобы Польши побоялась
Русская дружина.
Король Батори, желая
Туркам угодити,
Велел честного козака
На смерть осудити.
Осудила да убила
Польша Руси сына,
Отомщения просит с неба
Его кровь невинна.
Не убили козаченка
Турки, Мусульмане,
А усекли головоньку
Ляхи — христиане.
Головоньку не усекла
Рука неверного, —
Но упала от удара
Палача польского.
Вот поверил польской лести
Атаман Подкова,
Оставил он Волощину,
Приехал до Львова.
Вот честный воин козацкий
Не мог подумати,
Что с ним Польша по-турецки
Будет поступати.

Польская лесть атамана
Обезоружила,
Доблестного воеводу
В тюрьму посадила.
Вот сопровождают вождя
На площадь во Львове,
Чтоб усекли головоньку
Славному Подкове.
Заплакали русски братья,
Граждане то Львова,
Руси герой бестрепетно
Стал — вещал Подкова:
Я осужден! — но не знаю
Моей смерти вину!
Вот скажите вы, поляки!
Про что я здесь гину!?
Молчат! Но весь народ
Печально рыдает.
Успокойтесь! Бестрепетный
Атаман вещает:
Свидетельствуй, Солнце правды,
О моей совести,
Ведь Ты видишь души моей
Чувства, мысли чисты!
Нет, не знаю, про что Польша
Меня осудила!
Лишь для того, чтоб Подкову
Покрыла могила.
И что же Польша думает,
Что мой дух убьет?
Дух козацкий в чистом сердце,
В груди Руси жиет.
Пока будет в груди Руси
Тепла кровь кружити,

Мой козацкий дух бессмертный
Неможно убить.
Свидетельствуй и ты, пекло,
Скажи невинного:
Коли, где, что для христиан
Козак сделал злого!?
Но Польша не отвечает!
И что же делати!?
Невинный козак Подкова
Должен умирати.
За то, что пристрастно любит
Родимую страну, —
Обесчестити христиан
Не дал Мусульману.
Копьем саблей я поражал
Турок грозну силу
Да защищал щитом правды
Русь, мать мою милу.
Подкова смотрит на небо,
Тишина гробова,
Ничего не отвечает
Польский сенат Львова.
Глуха Польша! Нема Польша!
Русский Львов рыдает,
Атамана совесть чиста
Смелит, ободряет.
Атамана чаровный вид
Зрителей пленяет,
Герой Руси глубокую
Думушку думает.
Его очи, как две звезды,
Приятно сверкают,
Чистой души чувства святы
В устах погибают:

Вот король Польши Батори
Велел мя убити,
Чтобы русскою кровию
Туркам угодити.
Знаю, что поганин Султан
Послал к нему гонца
Для того, чтоб конче убил
Руси ратоборца.
Куда стремят ваши мечты,
Русь хорошо знает
Езуитов все коварства
О, Русь понимает.
О, знает Русь, про что Польша
Меня убивает!
Польша слепа, ах, не видит,
Что ей ожидает!
За веру, за честь народа
Козак умирает,
Католическая Польша
Брата убивает.
Повинуясь езуитам,
Турок превышает,
Беспощадно православных
Братьев убивает.
Вот усещут головоньку
За тебя, Русь — мати,
Ты Русь, должна свирепую
Польшу наказати!
Среди общих слез народа,
Воздыханий, плача,
Русский герой бестрепетно
Взывает палача:
Совершай Польши приговор,
Гнусный человеце,

Пусть за веру, за честь, Руси
Кровь невинна течет!
Пожди, чтоб я помолился
Всей души чувствами,
Вздыхнул к богу, попрощался
С русскими друзьями!
Вот палач исполнил свое
Бесчестное дело
И осталось без головы
Атамана тело.
Так скончалась там, во Львове,
Жизнь Руси героя,
Но между Польшей и Русью
Ах, нет, нет покоя!
Мы желаем святой Руси
Небес благодати,
Чтоб веру, любовь истинну
Могла защищать.
Мы молим вседержителя,
Чтоб наша Русь свята
Возлюбила и во враге —
Человека брата.
Вот, поя песнь святой Руси,
Я и Польше пою:
Прими, сестра любимая,
Братскую песнь мою.
Не желаю оскорбить
Тебя, сестра мила,
Но чтоб честных сынов Руси
И ты не скорбила.
Не хочу я разъярять
Искру ненависти,
Но желаю возбудить
В душах чувства чисты.

Прими, сестра, братской любви
Искренние слова,
Песня лишь то повторяет,
Что сказал Подкова.
Русский герой во вечности
С Польшей помирился,
Но польская мечта с Руси
Думою сварится.
Ей сварится сестра с братом,
Час бы перестати,
Народную, славянскую
Думу подумати.
Вот жид, немец, да немец, жид
Польшу побуждает, —
Мы сваримся, с нашей свары
Немец корыстает.
Езуитскими мечтами
Польшу Рим питает,
А два братнии народы
Мечта розрывает.
Да, злоба наших соседев
Нас ожесточила
Да одного тела члены
К борьбе возбудила.
Польша с Русью сражалася,
Текло крови много,
Вот убивал невинный брат
Брата невинного.
Вот в Киеве да во Львове
Руси князей слава,
Этой славы Русь лишали
Краков и Варшава.
Вот поляки недовольны
Польскими землями,

Захотели пановати
    Над Руси сынами.
Русь козацка свою церковь,
    Свой язык любила,
Мертвыми звуками Рима
    Польша костел наполнила.
Русь искони молилася
    Народа звуками,
Польский костел Рим одарил
    Трубами, бубнами.
В нашей церкви мы нашими
    Людьми управлялись,
А до польского костела
    Езуиты вкрались.
Те стали ожесточати
    Польши добрых сынов,
Вот их мечта разлучила
    Польшу от Русинов.
И лилась, лилась реками
    Кровь наших прадедов,
К братоубийству общались
    Злобою соседев.
Вот ожесточили Польшу
    Отцы езуиты,
Те мотыли осквернили
    Польской жизни цветы.
Ах, отцвела Польши весна,
    Не принесла плодов,
Польской весны цвет прелестный
    Поплыл долов водов.
Пришла буря, поламала
    Польских надежд цветы,
Разлетелись по всей земле
    Польски храбры дети.

Мы желаем братской Польше
Больше любви, тепла,
Чтоб уже про них николи,
наша кровь не текла;
Чтобы Польша оладила
Славян жизни горе,
Чтоб реки славянской жизни
Слились в одно море;
Чтобы наши вороженьки
Уж нас не ругали,
Но счастлившей славян доли
Позавидовали.
Сестра Польша, не дружися
С Руси ворогами,
Они тебя лишь туманят
Пустыми мечтами.
Польшу спасет родный союз,
Вера, любовь свята, —
Помиримся, — да обнимем
Друг друга, брат брата!
Пусть борются за свободу
Славянские дети,
В братской любви, в согласии
Помож боже жити!
Пусть нам громко заиграет
Всеславянска лира,
Чтоб мы в согласии жили
С всеми людьми мира.

*

Хотя польский палач усек
Честную голову,
Но не убил в наших душах
Героя Подкову.

Жие, жие дух козацкий,
Дума козакова, —
Вечно будут гомонити
Прощальные слова:
За веру, за честь народа
Боролся Подкова,
Вечной памяти достойна
Слава козакова.

Свидник, 1875 г.

(По рукописи.)

БЕДСТВО МАКОВИЦЫ

Бидна. бидна Маковица,
Со сиротами вдовица,
Несчастлива вдова матери,
Трудно диточки ховати.

Бо, што дити зарабляють,
Опекуны расхватають...
Ах, беда, беда ту жити,
Тых опекунов кормити!

Уж ани сами не знаме,
Сколько опекунов маме,
Бо што-день приходят новы —
Завертают нам головы.

Каждый рассказы выдае, —
Теремтетат, гришит, лае —
Што-раз вещей вымогают,
Новы дачки накладывают.

Земля мало-што выдават, —
Хлиба каждый рок не стават, —
Треба нам хлеб куповати,
А гроши нет откаль взяти.

На податки превелики
Ишли гроши з Америки,
Але уж переставают —
Людкове барз ся старают.

Покля в сели гроши были,
Едны другим пожичили,
Та и хлиба докупили
И податки выплатили.

Но што же теперь чинити? ...
Нет где гроши пожичити!
Маковица опущена,
Плаче, вздыхат розжалена —
Диточки ей охабляют,
Прочь за море утикают.

*

Опекунов дуже маме, —
Як же мы их вытримаме?
Каждый хоче гойно жити,
А парадно ся одити —
Прото мусит мудровати,
Якбы где гроши вырвати.
Што ся водит, мы видиме,
Но повидати не смиме,
Бо бы нас до права дали,
А мы бы истно прогнали —
Жандаре бы нас карали.

(«Венец», стр. 100—101.)

*

* * *

Гинет тьма ужасной ночи,
Нам восходит солнце красне,
Весело зрят русски очи
На народне небо ясне.

Просвещены русски главы
Гнушаются мраком ночи.
Ура, братья, дити Славы!
Бог нам будет на помочи.

Пробудился сын Бескидов,
Жизнь народну ощущает.
Над гробами русских дидов
Священны думки думает.

Мы созданны ко свободе,
Свободными должны быти,
Пробудился дух в народе,
Русский народ должен жити.

Бог в помощь! Братья, до дила!
К новой жизни поспишайте,
Распрострите, орлы, крыла,
Врагов правды проганяйте!

Победит наш дух народный,
Исчезнут все враги ваша,

Мы должны быти свободны,
То голосит совесть наша.

Рабства мы не заслужили,
Мы людей не убивали,
Мы спокойно, честно жили,
Про что же нас оковали?

Цепи рабства аржавиют,
Бог праведных рабов любит,
Враги не преодолют,
Гордых людей бог погубит.

Щитом правды мы покрыты,
Мы неправду побидиме,
Адску крепость разорити
Бог поможет, — мы вириме.

Бог в помощь, братья, до дила!
Народный храм защищайме,
Распрострите, орлы, крыла,
Матушку Русь согривайме!

Руси враг ляшок ветренный
Господствовать желает,
Чувства народны священны
Мучит, трапит, оскорбляет.

Русский язык, русска вира
Святую Русь защищают,
Славны полки Владимира
Гордых ляшков поражают.

Восток терпит от запада,
Запад мучит славы дити,

Внуки Пястов и Арпада
Не хотят нам дати жити.

Бог в помощь, братья, до дила!
Русь матушку обнимайте,
Распрострите, орлы, крыла,
Врагов Руси поражайте!

(По рукописи.)

СТАВ БИДНОГО СЕЛЯНИНА

цили

бивнише описание

доли земледельца Русина в неуродных долинах
Карпат, на угорской стороне, за часов урбарского
подданства.

ЦИ НЕ ИДЕ ТИ ДО ПЛАЧУ, ЯК ВИДИШЬ НУЖДУ СЕДЛЯЧУ.

За гору солнце заходит,
З хмар ся новый мисяц родит,
Витрик подувае холодный,
А панщар иде голодный.

Слабым кроком домив крачат,
Лем ся гев и там затачат,
А раз такой уж мал впасти,
Мусил пиля драгы сясти.

Там соби кус отпочинул,
В сердцу ся му жаль розвинул,
Бо задармо през день робил,
К вечеру го гайдук побил.

— Я му робил як ем владал,
Вин от мене веце жадал,
Воду 'м му не сколомутил,
Прочто-ж вин мя так засмутил? —

Витер вилшынами хвие,
Преспивуют соловие,
Хтили бы го потишыти,
Жаль го не хоче лишити.

— Мусю нести грозне ярмо
На моих плечах задармо,
Волил бы'м в гроби заспати
Як так окрутни капати. —

Встал неборак, дале ишол,
Помаленкы домив пришол,
Смутно по хыжы позерал,
Добри зо жалю не вмерал.

Сидили в купци диточки,
Як во вязанци квиточки,
Смутно, с плачом позерали,
Бо бы уж барз вечеряли.

Бижат ку нянцови свому
Дитинску честь дати йому,
Вшыткы му руку цилуют,
Бо го сердечни милуют.

Мати чиру сготовила,
В мисци на стил поставила,
Ледво могла выповисти;
— Иваничку, подь же исти! —

Побожно ся перекстили,
Коло стола умистили.
Ох, есть дуже чиру мало,
Лем по кус ся им достало.

Диточок с женой семеро,
С витцом их было осмеро,
Вшиты от рана постиги,
Теперь ся разом гостили.

Гостина тотя бидненька,
Котру справила миленька
Мамичка дитям отцови,
Дивчаточкам и хлопцови.

Продала пряжи пив штуку,
Три галвы купила муки,
З той — вивсяный чир без соли
Хлипали бидны поволи.

На нич веце не чекали.
Але разом поклякали.
Молятся дити с мамичком
И с прежалостным няничком.

Боже, отче наш на неби,
В превеликий сме потреби,
Помощь от тебе просиме,
Честь, славу ти приносиме.

Хцеме, абы пресвятое
Святилося имя твое,
Ты наивысший свитов царю,
Ждеме твоего царства зарю.

Гришити свит най престане,
Воля твоя най ся стане
Так на земли, як на неби,
Так в гойности, як в потреби.

Даждь нам днесь хлиб наш насучный,
Бо тот с жытьом неразлучный,
Або заклич нас до неба,
Не буде нам хлиба треба.

Долгы наши нам отпусти,
На должников не допусти
Кару, кед з людской крехкости
Засмутили нас в узкости.

Не допусть нас покусити,
От злого нас рач хранити,
Отче и сыне распятыи,
Духу боже препресвятыи. —

Со слезами твари росят,
С неба хранителя просят,
Постуляли до сну очи,
Боже, будь им на помочи!

Отец, дити а и мати
Пишли с богом спочивати,
До купки ся поскорчали,
Даколи замаручали.

Спят, як мертвы, смордованы,
Забыли на свои раны,
На горечну нужду, смуток,
Тот есть зо сну благый скуток.

Грובהва тихость настават,
— Ночь ми образ смерти дават,
Мисяц, звизды свитло дали,
Жадной плацы не жадали.

Грозный жаль мя переходил,
Же ся бидный на свит вродил,
Лишше сто раз жити статку,
Як человеку в недостатку.

Старамеся, бы наш статок
Не мал у нас недостаток,
А кед не есть што давати,
Звыкли сме го продавати.

Мы о статок ся стараме,
О нас никто, кед не маме,
Мы гынеме, кед нам боже
Твоя ласка не поможе.

Не есть хлиба ани соли,
Кед нит уроды на поли,
Гыне, як на брегу рыба,
Образ боже твой без хлиба.

Гынут з голоду сироты
Так, як квиткы от спраготы,
Боже, отче с высокости
Посмот на наши ускости!

Боже, загой наши раны,
Не лишай нас без обраны,
Просиме тя в день и в ночи,
Боже, будь нам на помочи!

Уж ем ся дост напризерал,
Там ся к домови поберам.
Иду и горечни плачу,
Бо'м видел нужду седлачу. —

Ктоси ишол понад село
Барз якоси невесело,
На пищалци соби пискал,
Попри тим кувик завискал.

— Ты кувику, ночный птаху,
Ты многим задавашь страху,
Бо кед дакде закувичешь,
Мыслят, же до гробу кличешь.

Та лем там кувикай соби,
Але я не вирую тоби,
Бо кого раз бог закличе,
Вера кувик не кувиче.

Каждый о том добри знае,
Же человек раз вмерти мае;
Коли, де, як смерть нам буде,
О том нич не знают люде.

Великы суть в свити лести,
Дуже звыкли бабы плести,
Же суть бабы чаривници
И якыси ворожници.

Не чаривници чаруют,
Легковирны то вируют,
Глупым, котры нич не знают,
Ворожником гроши дают.

Ворожници — то цигане,
Горшы сто раз, як погане,
Бидных людей манят, кламут,
Святой виры права ламут.

До блуду вшыткых приводят
Людей, котры ку ним ходят,
Не годни им нич помочи,
Але заслипляют очи.

Непрестанно в корчмах сидят,
Пьют, за чужи добри идыт,
Едностай о том думают,
Як кого кламати мают.

Каждый, кто бога вируе,
Ворожцев най ся варуе,
Бога най о помочь просит,
Ворожцям най нич не носит.

Они лем все ждуд на плацу,
Ницат бидных людей працу,
Хоч што глупо полябдают,
А блазны им гроши дают.

Не вирте нич тым кламникам,
Тым чортовским насильникам,
Котры за злом драгом ходят,
Людей на баламут зводят.

Як ем ишол, мисяц зышол,
Дома'м вшыткых спячих нашол,
Потихицкы'м позаперал,
Одежду ем зо ся зберал.

Гуню, через и ногавкы
На ладу'м склал пиля лавки,
Знял ем зо ся и капелюх,
Помолился, а так ем люх. —

Як сонечко засвітало,
Кажде с свого мисця встало,
Встали діти, встала мати,
А отец уж не мог встати.

Як ся уж пообликали,
Вшиткы разом поклякали,
Молят, просят помочь божу,
Отец молится на ложу.

Рад бы он, неборак, встати,
Честь клячачи богу дати,
Але схворил, не мат силы,
Смутятся диточки милы.

Дармо кличе Іваничка
Его любезна женичка,
— Встань мужичку, встань догоры,
Идут к нам якись потворы.

Он сердечни встати жадал,
Але неборак не владал,
Ослабли му цилком кости
От превеликой ускости.

Пришли с гайдуком лисници,
Тоты огавны пьяници,
На панске му идти кажут,
А кед нит, же го повяжут.

— Вязати мене не треба,
Повязал мя уж бог с неба,
Дервяниют ми кости,
Уж одыйду до вичности. —